

Вир

ВИТАЛИЙ

F

1.80

БАВЛО ПОЖАЛОВАТЬ! ИЛИ КРИК НА СУКУ*

* Материал из Википедии - свободной энциклопедии: Сук - полностью одревесневший (в отличие от ветви) боковой побег дерева.

Виталий Вир

Бабло пожаловать!
Или крик на суку

«Автор»

Вир В.

Бабло пожаловать! Или крик на суку / В. Вир — «Автор»,

Наше время. Когда Рамсеса – трейдера, молодого, преуспевающего в среде дельцов больших денег, пытаются убить, ему удается уйти. Но в следующий раз он становится свидетелем похищения лучшего друга и теперь Рамсес не сомневается, его любимая девушка в опасности. Мало того, поднимается волна народного гнева, как в стране, так и в мире. Из-за финансистов и насквозь коррумпированной власти, люди окончательно обнищали. Они озлоблены и уже готовы на все, а в бедах винят тех, кто имеет баснословные деньги и продолжает раздувать (совершенно ненужные простому народу!) мыльные пузыри, словно в агонии продлевая спекуляцию на финансовых площадках. Пытаясь разобраться, откуда исходит угроза для жизни, по странному стечению обстоятельств, происходит так, что Рамсес теряет память и оказывается среди тех, кто совершенно ему чужд, как по духу, так и по образу жизни (мышления)... Он знакомится с семьей, где оба супруга больны синдромом Дауна, но у них подрастает совместный ребенок!.. Сумеет ли Рамсес разобраться в перипетиях свалившихся на него и вернется ли к нему когда-то привычная жизнь? Останется ли он жив и кто являлся подлинным источником угрозы – те, с кем он дружил, общался, сама власть, обычные люди, или... – это был парень с синдромом Дауна?.. К тому же судьба поворачивается так, что главный герой впервые и по-настоящему задумывается, кто подлинно счастлив, а к своим годам, в большей мере, приобрел для себя нечто стоящее – он, весьма преуспевший в жизни, или парень с синдромом Дауна от рождения?..

© Вир В.

© Автор

Содержание

От автора	7
1. Один из выживших	8
2. До того, как всему начаться	10
3. Первая встреча	14
4. Вторая встреча	17
5. Встреча третья	22
6. Последовательность образов	34
7. Богдан	49
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Виталий Вир

Бабло пожаловать! Или крик на суку

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Посвящается Мойке Ренко и всем тем, чей совместный путь был долог, не всегда легок, но он этого заслуживал.

От автора

*Ни государства,
Ни правительства —
Одно лишь б-ство¹,
Да мздоимство...*

Во-первых.

Сразу оговорюсь, автор не обязательно должен разделять точки зрения главных героев в романе. Хотя, говоря по-правде, многое из написанного – та действительность, которая присутствует повсеместно и можно подписаться под каждым словом, но – это я выношу на суд читателя.

Во-вторых.

Я официально заявляю спецслужбам всех стран: сведения о тайном сговоре правительств из числа избранных государств не добыты путем агентурной разведки и не связаны с иным незаконным раскрытием. Поэтому в книге нет использования секретной информации. А те совпадения в романе, которые могут произойти в мире в ближайшее время (как то: заговор крупных финансистов и власти против населения земного шарика или иное, что описано в сочинении) – считайте предположением автора на основании доступных данных. Тем более, разоблачитель тайн – Джулиан Ассанж не имеет отношения к информации, изложенной в произведении. Это, если что.

В-третьих.

Но вот трехлетняя девочка, о судьбе которой поведано в романе; образ жизни, мечты и потенциал родителей – далеко не плод воображения писателя, а история, основанная на реальных событиях! Это, дабы – сразу и в корне – пресечь искушенных читателей на неприятие обстоятельств рождения девочки, а также (в общем и целом) возможностей таких людей, как ее родители.

Ну и, в-четвертых.

В произведении, там, где говорят персонажи, сохранена аутентичность, свойственная каждому в отдельности. Связано это с тем, чтобы максимально отразить чувства, намерения, взгляды и искренность главных героев.

¹ Примечание автора. Правильно. Все верно. Вы прочитали слово так, как напрашивается относительно смысла, заложенного в тексте. Но, надеюсь, найдется хотя бы один читатель, который усмотрит в сокращении слово «богохульство». Если так случится, то, вполне возможно, что дела в (каком-либо отдельно взятом) государстве обстоят плохо только в одном смысле – поношение объектов религиозного поклонения, почитания и, помимо этого... мздоимство.

1. Один из выживших

*Когда вдруг раз – и не понятно,
Кому ж от этого приятно.*

«Где я? Что со мной?»

Когда совершенно выбиваешься из сил, то непременно теряешь сознание.

Спустя время, надо полагать, рассудок возвращается. Но, с приходом этого мгновения, устройство органов чувств не спешит приступить к работе. Потому как ничего не хочется. То есть совершенно, включая элементарное – приоткрыть глаза. Продолжая лежать, максимум, на что хватает сил – это прислушаться к себе. И бесполезно разбираться, в каком состоянии пребывает тело.

После изнурительной борьбы за жизнь, внутри появляется вялость – состояние пассивности и замедленной реакции на окружающие раздражители, как внешние, так и появившиеся в результате долгого сопротивления. Вялостью пропитана каждая клеточка тела, которая замедляет в организме жизненные процессы.

С приходом в сознание, спустя какое-то время, в голове короткой вспышкой отчетливо появляется картинка произошедшего. Но не все разом, только последняя минута, за которой снова без чувств впадаешь в обморок, где – ...кромешная тьма... яркое белое пятно на темном фоне и постепенно свет меркнет, а пространство опять погружается в непроницаемую темень.

С коротким первым воспоминанием, хочется пошевелить какой-либо частью тела: и всего одной. Но каждая клеточка организма будто скована плотным железным саркофагом и это подавляет любое желание шевельнуться: даже веки не поддаются слабому импульсу, когда хочется слегка приоткрыть глаза.

Подобное положение сохраняет покой – полную неподвижность, пока восстанавливаются силы. И все, на что сейчас способно сознание, так это наблюдать за темнотой. Если за ней вообще можно следить с закрытыми глазами.

А, собственно, что мы знаем о темноте? По-моему, ничего. Нам известно, что изучать свет – возможно. Допустим, измерять длину волн каждого цветного фона или сам белый свет – в частности и его можно разложить на множество цветов и оттенков! Но ничего подобного нельзя сделать с темнотой. Даже, когда мы хотим определить насколько темно в том или ином пространстве, мы измеряем в нем количество света! Неужели это означает, что темноты, нет?! А слова «темень» или «мрак», мы используем лишь для того, чтобы описать полное отсутствие света.

Тогда, получается, что темноты, и правда, нет, а есть пространство, лишенное света?!

Если продолжить рассуждать в том же духе, то, из этого определенно следует, что и относительно другого можно сделать такой же вывод. Например, нет тишины или зла, а есть отсутствие звуков или любви и веры...

Выходит, ничего плохого или негативного тоже нет, а есть только отсутствие хорошего или положительного, после чего наступает депрессия, но с приходом позитивной самооценки от нее не останется и следа.

А способно ли плохое или негатив полностью затмить позитив или, возможно, чтобы тишина доминировала над звуками, а зло окончательно извело любовь? Но подобное невозможно представить! Равно как нельзя увидеть, чтобы самый невероятно черный мрак поглотил бы свет. Зато, та же короткая вспышка света неминуемо озаряет любое темное пространство.

И все же, почему мгла не способна поглощать свет? Мало того, непроглядную тьму вообще невозможно сохранить, когда появляется пусть незначительно слабый, но источник света.

...ВОТ ТОЛЬКО, ГДЕ ВЗЯТЬ ИСТОЧНИК СВЕТА, КОГДА НЕТ СИЛ, ЧТОБЫ ЕГО ЗАЖЕЧЬ?

2. До того, как всему начаться

Наши дни.

«00:00»

Электронное табло настольных часов, с зеленой мягкой еле заметной подсветкой, тускло, бездушно и привычно отобразило начало новых суток.

В темной спальне, недавно отремонтированной в стиле модерн, без прямых линий и углов, но, где в полной мере господствует природное естество, наискосок светил тонкий и короткий луч, источник которого находился за окном и принадлежал большому неоновому рекламному щиту, расположенному на одном из московских оживленных проспектов. Свету проникать внутрь комнаты, позволяла крохотная, в пару сантиметров, узкая щель у окна. Непроницаемые художественные жалюзи аккуратно обласкивали оконный периметр и походили на точную до мельчайших подробностей копию картины с названием «Мод Адамс, как Жанна д., Арк» чешского живописца Альфонса Мариа. «Произведение» настолько плотно прилегло к раме, что при желании подсветить края жалюзи (скорее, картины) самым солнечным ярким днем, не представилось бы возможным. Идеальный по фактуре светонепроницаемый «холст» лишь в одном месте не примыкал плотно, что послужило появлению ни чем не оправданной, согласно выполненному ремонту в идеальной комнате, утонченной щели.

Пожалуй, после безукоризненных работ по отделке помещения, этот изъясн был единственным: как в спальне, так и во всей двухкомнатной квартире. Поначалу Рамсес хотел указать дизайн компании на минус, но, пока он занимался другими, несомненно, важными делами, дефект обратился в пользу. Когда Рамсесу было тяжело остановить мысли, пришедшие в голову в течение дня, легкие цветные проблески света в темной комнате отвлекали сознание, они постепенно вбирали в себя суету пройденного дня и приближали ему сон. А с недавних пор разноцветные огоньки он в шутку начал воспринимать, как условно-ритуальный танец света от бессонницы.

Тем временем, за окном, яркими красками продолжало бушевать большое рекламное действие, претенциозно показывая, в каком мире символов мы живем. По мере того, как цветные огоньки выводили на экран больше света, щель в темной комнате насыщалась палитрой красок и луч предавался игривости всевозможных расцветок. Затем, реклама на миг гасла – будто электронное панно вовсе не работало, и тогда комната погружалась в непроницаемую темноту, но после нескольких секунд все повторялось и щель источала продолжительный танец крохотного луча.

В эту ночь «танец света» не успокаивал и даже не расслаблял Рамсеса. Он лежал в постели на боку, укутавшись в одеяло, и не мог заснуть. Поочередно Рамсес глядел то на огоньки, то, с погружением комнаты в темноту, на электронное табло настольных часов, цифры которого последовательно прибавляли минуты: разборчиво отмеряли прошедшее время и неумолимо приближали будущее.

Только что закончился второй час, как Рамсес не мог уснуть и лежал в постели один.

Секунды продолжали идти в темноте, но вновь замелькал танец огоньков и о времени можно было забыть. Рамсес перевел взгляд и электронное табло настольных часов начало отмерять уходящий период в малопонятную пустоту.

После двух часов бессонницы, какая-то непонятная, более острая и мучительная, чем прежде, неудовлетворенность не давала ему покоя.

С приходом первой минуты наступивших суток, ничего не изменилось: бессонница, темнота, часы и пустота. В добавление к довольно унылому для Рамсеса фону, несмотря на мизер-

ные параметры, величественно резвились разноцветные огоньки у луча. Наблюдая за красочным процессом, в памяти Рамсеса периодически всплывали цифры, которые пришлось на время закрытия торговой сессии в конце недели. Он все еще думал о том, как смог в минувшую пятницу Российский фондовый рынок впервые за всю неделю закрыться пусть небольшим, но ростом. Сам же ход прошедших пятидневных торгов по-трейдерски изобиловал драматическими – и разворотами, и отклонениями, и... В общем, уже привычно в последнее время рынок опять вел себя непредсказуемо.

Подобная картина отнимала силы у любого трейдера, даже весьма устойчивого к стрессам и Рамсес не был исключением.

Но проявление разновидности биржевой нервозности – это стимул к тому, чтобы не упускать мельчайшие детали и вовремя реагировать на перемены рынка. Поэтому Рамсеса сильнее «лихорадило» каждый раз в пятницу по итогам любой торговой недели. Даже, если рынок акций все пять дней демонстрировал положительную динамику. Подобная «биржевая нервозность» ему была необходима. Таким образом, он заставлял себя взбодриться в конце недели и это была внутренняя политика. Если хотите – динамика, без которой он не смог бы уверенно идти по служебной лестнице.

В трейдинг (биржевой торговец) Рамсес пришел еще в школе. Тогда отец подарил ему книгу «Секреты торговли на фьючерсном рынке. Действуйте вместе с инсайдерами» Л. Уильямса. С того самого момента Рамсес заинтересовался отчетами трейдеров СОТ и вообще принципами работы финансовых рынков. Что было воспринято на ура со стороны родителей, особенно папой.

Отец Рамсеса, Эммануил Россельман, принадлежал к династии врачей. В трех подряд поколениях по линии отца в семьях рождался один младенец и всегда им был мальчик, который в обязательном порядке вырастал практикующим врачом. В разные времена, по независящим причинам, больше одного ребенка в семьях не рождалось.

Но суждено было начаться переменам. В отличие от предков, в семье Эммануила Россельмана родилось двое – вначале мальчик, а за ним, девочка. На этом папа Рамсеса не остановился и отважился «бунтовать» дальше. Он твердо решил покончить с преемственностью по линии медицины. Ему не хотелось, чтобы сын прожил так, как предыдущие поколения: верно, честно, преданно служить профессии (отсюда) со скромным доходом. Тогда как у отца были наглядные примеры со стороны сверстников, кто в свое время занялся иным и теперь стал богатым (в деньгах), нежели практикующие врачи.

Собственно, отец Рамсеса никогда не был современен и ничего не понимал в отчетах с биржевых площадок. Но время от времени, когда позволяла работа, он смотрел экономические новости и слушал о движении рынков, любясь заумными графиками, за которыми люди выигрывали целые состояния.

Когда же подошло время «непринужденно» отвечать на вопрос, куда нужно обязательно толкать подрастающего сына, ответ давно уже был сформирован в голове отца. А мама, Софья Россельман, как верная и преданная мужу жена, к тому же учитель математики, совершенно не была против, чтобы мальчик работал с числами, тем более, при которых есть шанс заработать много денег. В отличие от тех же учителей математики, которые тоже работают с цифрами, но априорно получают меньше.

В жизни Рамсеса так все и случилось.

К этому периоду у него уже был опыт нескольких лет работы на финансовом рынке. Когда-то, осилив подарок отца, теперь он читал все, что касалось тематики биржевого торговца. Последней прочитанной книгой, была работа Стива Бриза: «The Commitments of Traders Bible: How To Profit from Insider Market Intelligence». Рамсес познакомился с ней, как и обычно, в оригинале: на английском. Согласно названию, эта книга была ничем иным, как «БИБЛИЯ обязательств торговцев: как получить прибыль от разведки рынка посвященного лица».

Несмотря на юный возраст «вчерашнего студента», у Рамсеса имелся еще и опыт работы в банковском секторе. После чего, он решил самостоятельно вести рубрику по отчетам трейдеров СОТ (индикатор фьючерсных рынков).

А не так давно, на форуме брокерских компаний, к мнению Рамсеса стали прислушиваться. Это произошло благодаря тому, что он изо всех (доступных и, конечно, законных) сил, да возможностей стремился стать одним из лучших. Руководствуясь этим, Рамсес уже научился создавать целостную современную картину видения мировой экономики, что позволяло ему отслеживать многие фазы рыночного состояния на планете, а отсюда – Рамсес давал великолепные оптимальные прогнозы на определенные промежутки во времени.

Он и не думал останавливаться на достигнутом – патологическое желание повышать квалификацию только-только набирало оборот, да еще и на новом уровне! Сейчас он стремился познать в идеале точные науки – статистику и финансовую математику. Постоянно повышая уровень знаний, где не последнее место занимает маркетинг, организация труда и, конечно, психология толпы, Рамсес уже составлял блестящие отчеты для компании, в которой он работал. Над очередным из них ему хотелось «покорпеть», как минимум, весь, следующий после этой ночи, день.

Но предстоящий в субботу выходной выглядел иначе. У Рамсеса отобрали ближайшее время на работу, лишив любимого занятия. Причина тому – Алика. И дело не в том, что завтра (вернее, уже сегодня) он встречается с подругой с самого утра. Просто она – тоже аналитик. Ей так же известно о жизни многое и порой она не считается с планами Рамсеса: благо, на его счастье, это случается редко.

Правда, если каждый раз брать во внимание планы любимого, то он безвылазно усядется дома за отчеты. Поэтому на завтра Алика безальтернативно решила, что им необходимо присутствовать на увеселительной загородной прогулке: так как «Рамсес, иначе, нельзя! Соберутся нужные люди и (о, удача!) мы тоже приглашены!»

Лежа в теплой постели, Рамсес закрыл глаза и вспомнил ликующую Алику. Её оглушительные хлопки в ладоши и визг, после того, как она договорилась о встрече по телефону и положила трубку. Не открывая глаза, в памяти, он начал перебирать лица, с кем ему предстоит провести один из двух выходных дней. И делать это, Рамсес принялся поименно...

* * *

13 000 000 человек, объединенных в одной статистике – это много или мало?

А если эти люди живут в одной стране, то – это уже много?

А если при этом страна большая.

А если этих людей объединяет статистика и больше ничего, то, зачем нужны эти данные?

Следить за цифрами?

Смотреть, как меняются числа и только?

Или, чтобы попытаться хоть как-то разобраться?

И кто должен попробовать в этом разобраться?

Кому все это надо, если статистика даже не четко разграничена?

Допустим, есть какие-то люди, по статистике, и они лишь часть от 13-ти миллионов, то, как государство узнает об их истинных проблемах и трудностях?

Опять не найдя ответов на вопросы, Дэвис свернул программу «Доступ в Интернет». На прощанье, любуясь новой «игрушкой», он нехотя нажал на кнопку «отключить от питания». На пятой секунде монитор погас.

Благодаря полнолунию и не задернутым шторам, спальня наполнилась бледным светом от яркого лунного диска. В погасшем темном мониторе, в свете луны, Дэвис увидел отражение лица. Глядя на себя, он усмехнулся и подумал о неправильности высказываний, о таких, как

он на странице Википедия: «...небольшой рост и косо расположенные глаза; плоское лицо и уменьшенный объем черепа».

Утратив отчетливые очертания ухмылки, губы расплылись в широкой улыбке, когда Дэвис попытался увязать (по мнению блогеров) иной, нежели у других, размер черепа, умственные способности и – вот уже вторую ночь подряд – его желание найти ответы в Интернете на важные для него вопросы.

Дэвис положил монитор рядом с подушкой. Он поудобнее лег в кровати – обязательно лицом к iPad-у, на него положил руку – и, с облегченным сердцем, краткой улыбкой на устах, Дэвис принялся слушать безмолвие. Он всегда делал так, пока не засыпал. Ему нравилось ночное затишье: когда многие люди спят, он понимал, что сейчас чьи-то неслышимые голоса не заполняют пространство. Для Дэвиса это означало – в такие минуты мало кто отвлекает душу, которая, благодаря божественной природе, способна слышать тишину, как Источник Жизни.

3. Первая встреча

Когда не ждешь.

Подобно детству, перед тем, как выйти из дома, украдкой, Рамсес приоткрыл дверь, через которую был выход из подъезда на улицу. В появившемся просвете он осмотрел двор.

В детстве он так делал каждый раз, когда хотел обхитрить маму. И у него непременно это получалось. В то время как мама выходила на прогулку с младшей сестрой, которая смиренно лежала в коляске, Рамсес ближайший час должен был сидеть в квартире за пианино. Но он тайком выбегал из подъезда вслед за ними. Между кустами и домом Рамсес покидал двор и скрывался из вида, засекая один час. Гоняя со сверстниками в футбол или играя в войну на стройке, он старался не испачкаться, чтобы затем не переодеваться. В назначенное время Рамсес подбегал к маме (конечно, со стороны подъезда) и уже на законном основании, отпрашивался на улицу. В общем, все были довольны – сестренка не томилась в ожидании под далеко негармоничную игру на пианино, мама боготворила сына, ну, и Рамсес извлекал лавры от успешно проведенной «акции», с каждым разом набираясь опыта. Благодаря чему, еще в детстве он умел ловко обходиться с любой ситуацией, повисшей над ним против воли.

Но только что это не помогло. Наутро желание идти на встречу с Аликой и потом совместно отправиться загород, у Рамсеса так и не проснулось. А она, со 100 %-ой вероятностью уже ждала его в двух кварталах у подъезда дома, в котором жила.

Царившая у детей веселая суэта на улице добавила самочувствию Рамсеса максимальный дискомфорт. И это несмотря на солнечное осеннее утро! Ровно настолько ему не хотелось прожить предстоящий день с «нужными» (для Алики!) людьми.

Рамсес неохотно вышел из подъезда и пальцами машинально ощупал карманы на предмет пачки сигарет. Вспомнив о последней условности между ним и подругой, он остановился и раздосадовано потерял затылок: курение для него было под запретом! С испорченным в конце настроением он сунул руки в джинсы и, «скрепя сердцем», побрел к ней, мысленно прокладывая маршрут через лес.

В этой части на окраине Москвы, среди кварталов новостроек, несметными армадами, атакующими город, дивно уцелел островок природы.

Бережно или тоже в назидание какой-либо моде, красовался тут лес. Рамсес не знал, но именно близость лоджии с зеленым островком, поставила жирную точку в мучительном выборе покупки квартиры. Из-за такого соседства, он даже «проигнорировал» новый проспект, который находился по другую сторону от дома, куда было обращено окно спальни.

Рамсес шел по тропинке с опущенной головой. Так, чтобы разглядывать, как он намеренно шуршит божественной по красоте осенней листвой.

Изнеженные летним солнцем, когда-то зеленые листья, осенью почти все опали и теперь каждый из них мог заслуженно кичиться индивидуальностью. Правда, пусть только в цвете и лежа на земле и даже под ногами, но каждый был ярок по-своему и главное не похож на «собратьев»!

Под конец «лиственной карьеры», напоследок они пестрили яркими красками, да лишь изредка, некоторые из них позволяли себе секундное упоминание о былой молодости. В то летнее время непременно все листья были увлечены ветром, с которым в удовольствие заигрывали, трепетно дрожа с каждым дуновением. Теперь же, порывы воздуха, словно пытаясь пробудить в листочках былую молодость, увлекали некоторые из них за собой, но ненадолго. Засохшими они скользили по воздуху и затем медленно опускались на землю, будто осознавая, что все уже в прошлом, а бывшее не вернется.

– Дебил!

Злобный голос раздался слева от Рамсеса. Не останавливаясь, Рамсес посмотрел в ту сторону, но наткнулся на молодого, скуластого, с впавшими глазами, как у наркомана, парня. Им обоим пришлось остановиться. На мгновение они встретились взглядом. Худощавый парень замешкался, но, опомнившись, притко рванул дальше. В руке он держал что-то похожее на ноутбук небольших размеров.

Находясь в растерянности, Рамсес оставался на месте и снова посмотрел влево. Спиной к нему, в нескольких шагах, на скамье, кто-то одиноко сидел и не шевелился.

В голове у Рамсеса мелькнула тревожная мысль о сидевшем без движения парне: убит!

Не раздумывая, интуитивно, он бросился в погоню за убегающим преступником, даже и не помышляя об опасности для себя.

– Стой! – крикнул Рамсес, в бешеном ритме бега перебирая натренированными ногами. – Догоню, урою!

«Наркоман», как окрестил парня Рамсес, продолжал чесать без оглядки со всех ног, широко размахивая руками, и не думал останавливаться.

У Рамсеса проснулся азарт. Теперь он видел цель, которую необходимо настигнуть и во что бы то ни стало.

– Впереди по курсу, – громко, на бегу, выкрикнул Рамсес и тут же ощутил перемену частоты, глубины и ритма дыхания. Несмотря на это, он продолжил: – Отсекай наклонившуюся березу! Там, я достану тебя!

«Наркоман», казалось, лишь прибавил темп бега – подошвы кроссовок мелькали перед Рамсесом, а руки, согнутые в локтях, заработали с завидной быстротой.

Когда до обозначенной Рамсесом, наклонившейся, березы оставалось несколько метров, из руки «Наркомана» вылетел ноутбук в одну сторону, а сам он резко сменил направление.

Ноутбук смачно вцепился в наклонившуюся березу.

Рамсес отвлекся на компьютер и одновременно попытался со всей прытью метнуться вслед за «Наркоманом». Но он оступился и полной мощью непогашенной инерции, рухнул на бок. Да так, что Рамсес проехал по влажной утренней листве еще пару метров!

– Вот, малец ссученный! – со злобой выкрикнул Рамсес, лежа на боку. В азарте он не придал падению значения и быстро поднялся, но от «Наркомана» уже не осталось и напоминаний.

– Черт! – выругался он на резком выдохе и тут же почувствовал ноющую боль в плече, на которую пришелся основной удар о землю при падении.

Руками Рамсес уперся в колени, выбрав эту позу, чтобы отдышаться. Оставаясь в таком положении, он раздосадовано посмотрел на того, кому только что хотел помочь.

Человек продолжал одиноко сидеть на скамейке и не шевелился.

Рамсес отдышался и после этого распрямился. Разминая круговыми движениями плечо, он направился к технике, покореженной от удара.

Им оказался iPad. Корпус лежал на земле и был разломлен пополам. Части удерживались на плотно напичканных внутрь микросхемах, а вокруг красовались осколки стекла. Рамсес поднял разбитый iPad и снова посмотрел в сторону скамейки: незнакомец по-прежнему сидел спиной к разыгравшейся, но безрезультатной погоне.

– Вот и еще один, – громко, в сердцах, крикнул Рамсес в сторону парня. Но, видя, что тот не обернулся на голос, он махнул рукой и тихо добавил: – Дебил.

В продолжение, это же слово Рамсес примерил и к себе – он вспомнил о том, что уже сильно опаздывает к Алике.

Понимая, что влип, кулаком Рамсес постучал себе по лбу и снова крикнул парню:

– Слышишь, вот оно мне это надо было?!

Пальцами удерживая разбитый iPad, Рамсес вскинул руку и посмотрел, который час. Стрелки наручного механизма со швейцарским названием – синонимом высокого стиля, ука-

звали на точное время встречи. Без промедлений Рамсес поспешил к незнакомцу. По пути он принялся приводить одежду в порядок – поправляя и отряхивая.

– Ну! Совсем что ли тебе не интересно? – на ходу выкрикнул Рамсес в сторону сидевшего парня на скамье.

Тот не шевельнулся, словно играя на нервах Рамсеса.

– И правда, жмурик, что ли? – тихо проговорил он.

За несколько шагов до скамейки, Рамсес не выдержал и решил снова заговорить с ним. Ему хотелось скорее покончить с нелепой остановкой из-за спонтанного решения.

– Я тут за твоей техникой пробежался, – обратился Рамсес с долей сарказма и опять, как бы к спине, – только, вот, малость не успел! Если б и ты мне помог, то заработал бы денег. Говорю, не пришлось бы раскошелиться на новый.

Когда Рамсес поравнялся, то сразу же замолчал. Ему стало понятно, что незнакомец жив. Но сидел он тихо, руками закрывал лицо, а пальцами с усилием массировал лоб.

– Да... – как и прежде возбужденно начал было Рамсес, но, на сей раз, он сдержался, в том числе, чтобы не перейти на мат, и лишь тихо добавил: – Ну, жив и ладно! На, вот, держи!

Подав вперед разбитый iPad, ему хотелось просто отдать обломки и, не выясняя ничего, поскорее уйти.

Незнакомец опустил руки.

Рамсес обмер в смятении, даже растерялся от столь неожиданной встречи – словно перед ним сидел инопланетянин. Незнакомцем оказался молодой человек без возраста и... с синдромом Дауна!

– Это твое? – мягко, негромко, почти шепотом спросил Рамсес. Шагнув ближе, изуродованный корпус он протянул незнакомцу, чтобы тому не пришлось подниматься со скамьи.

Молодой человек продолжал сидеть без эмоций. Переведя взгляд на iPad, он невозмутимо посмотрел на то, что осталось от устройства.

В повисшем безмолвии, Рамсес отчетливо услышал шелест сухой листвы. Тех из них, что поддались короткому дуновению ветра и с былым трепетом шумно увлеклись за ним.

Молодой человек громко с детской радостью в голосе рассмеялся и похлопал в ладоши. Вскоре он моментально затих и, как вдруг, начал плакать.

– Ты чего? – спросил Рамсес. Не понимая, как быть, он робко добавил: – Не стоит так...

– Спасибо, – недослушав, с затрудненным произношением ответил молодой человек.

Продолжая плакать, парень, не отрывая взгляд от обломков, поднялся. Обеими руками он осторожно взял разбитый iPad и с силой прижал его к себе, скрестив руки. Ничего не говоря, молодой человек повернулся и, подавленный случившимся, побрел по тропинке – туда, откуда только что пришел Рамсес.

Сам же Рамсес не мог шевельнуться. Обезоружено, растерянно, пожалуй, только не со слезами на глазах, он с болью в сердце провожал взглядом незнакомца.

Плачь молодого парня стих. Он все так же шел прямо и не оборачивался.

Мысль об Алике заставила его моментально развернуться в противоположную от убитого горем сторону. Он быстро зашагал, а вскоре перешел на бег.

Расстояние между ними стремительно увеличивалось, как вдруг, Рамсес испытал внутренний дискомфорт, впервые необъяснимый для себя. Он остановился и резко обернулся: парня на тропинке не стало, будто не было и вовсе. На одиноко стоявшей скамейке пара сухих листьев закружилась по ветру и медленно опустились вниз на пожелтевшую траву.

4. Вторая встреча

*Женский нрав круче Бога;
Поверь в Него и это уже вас сблизит.*

Последние метров сто до Алики, Рамсес пытался ее веселить: он изображал бег вприпрыжку и чередовал широкую улыбку с кривляньями. В подобные минуты гримасничества, изящный (от того значимый) нос в сочетании с широкой улыбкой, делал лицо Рамсеса по выразительности, как у Буратино (отдаленно, конечно, и то, если напрячь фантазию). От рождения, будучи высоким жгучим брюнетом, с карими глазами и лицом оливкового цвета, Рамсес выглядел безукоризненно. И он впечатляюще играл на чувствах: особенно выделялась надменная, бесстрастная манера поведения. Но, когда Рамсес проделывал такое с улыбкой (в сочетании с носом), то подобное кривляние как-то не вязалось с ним, что вызывало, у знающих его, как минимум, улыбку. Поэтому при надобности, он этим пользовался.

Алика продолжала стоять у подъезда и невозмутимо холодно смотрела. В этот раз, не найдя в поведении ничего смешного, она лишь приложила смартфон к уху и закатила глаза.

Лицо у Алики выражало раздражение. От чего красивые тонкие очертания лица с белым цветом кожи дополнились красневшими щеками. Лишь золотистый цвет выкрашенных объемных волос, наряду с широким, красиво повязанным, шарфом в оттенках золотой осени, да белая короткая куртка, – излучали радость. И то, благодаря яркому солнцу, а не настроению обладательницы сего.

– А ты, почему с сотовой связью? – спросил Рамсес у нее с иронией в голосе и с шуточной заявкой на претензию, когда подошел.

В ответ Алика покривила уголком рта: она равнодушно стояла с аппаратом связи у уха в ожидании ответа абонента, но глаз не сводила с Рамсеса – буквально испепеляла взглядом и предательски молчала.

– Сама же говорила: увеселительная прогулка без телефонов и, о, блин, часов! – Рамсес прервался и, театрально подыгрывая, ладонью шлепнул себя о лоб. Он, как комедиант, вскинул руку и торжественно заявил: – Вот, с часами я забыл расстаться! Знать, и я не без греха! Ну, что ж, считаем мы тогда – ошибка та простительна была!

Шутка не вызвала триумфа, хотя бы в уменьшенной форме, и от Алики не стоило ждать оваций.

Рамсес перестал паясничать и обратился серьезно, без тени иронии в голосе:

– Привет! Извини за опоздание. Обстоятельства вмешались.

Алика не дала поцеловать себя в щеку:

– Ты опоздал на пятнадцать минут!

– Не специально. Если честно, максимум бы, опоздал на пять-семь минут.

Она слегка закатила глаза и в недовольстве сжала губы.

– Мне пришлось помогать Дауну.

– Ко-му?!

Удивлению Алики не было предела – она отменила звонок (так и не дождавшись ответа абонента) и уставилась на Рамсеса, в ожидании, казалось бы, очевидного ответа, при этом находясь в изрядном напряжении.

– Парень с синдромом Дауна, – неуверенно произнес он: смутило откровенное во взгляде Алики недопонимание.

– Скажи, пожалуйста, в дополнение, что ты этого Дауна еще и вылечил! – вызывающе заявила она и, переведя дух, ухмыльнулась, таким образом, желая разрядить свой легкий шок.

– Ну, почему же? – спросил Рамсес и хотел уточниться. – Нет. У парня украли iPad, а я...

– iPad? – перебила она, вновь погружаясь в нервическое удивление. – Да, какой к черту iPad может быть у дебила?! Ты держишь меня за круглую дуру? Если и готовился шутить на чем-либо в оправдание, так придумал бы что логичнее. Ты!.. Ты сам, как даунский iPad!

Распираемая злостью, Алика швырнула смартфон и ключи от машины в небольшой почти декоративный рюкзачок под цвет куртки. Она молча развернулась и быстрым шагом поспешила в направлении к станции метро, чтобы успеть к назначенному времени и с новыми знакомыми, таки, прогуляться в лесу.

В течение года, общаясь с ней, ему было проще и удобней оставить «тему» (ныне «о Дауне») и попросту помериться – в зачет опоздания.

Догнав Алику, он поравнялся с ней, рукой нежно обнял за плечи и, как ни в чем не бывало, располагаясь улыбаясь, подстроился к торопливой ходьбе.

Ныне отторжения с ее стороны не последовало.

– А ты, куда звонила? – обыденно, спросил Рамсес.

– Хотела заказать такси, – почти пробубнила она.

Рамсес предположил, что она готова перейти на другой уровень обиды, как это бывало частенько, с характерной ноткой детской непосредственности.

– Ну... теперь все в прошлом? – неуверенно спросил он.

Алика слегка пожала плечами.

Тогда Рамсес начал ее хвалить. Он давно уяснил, что похвала для Алики – это жизненная необходимость, без которой она могла бы и погибнуть. И это было настолько для нее важно, что, когда ее не нахваливали другие, она прославляла себя сама. Но в этом не было ни капли напыщенности, когда возносишься до небес. Просто, об очевидном для любой девушки Алика старалась не умалчивать, если, конечно, долгое время не слышала похвалы.

Вообще она являла в себе много интересного. Настолько, что поначалу именно поэтому Рамсес проявлял к ней интерес – интерес профессиональный. Это прозвучит не корректно, но он заигрывался с ней, как на бирже: руководствуясь знаниями поведения толпы, Рамсес анализировал текущую ситуацию – как внутреннее обеспечение, так и безотказно организованную жизнедеятельность Алики – и пытался предугадывать ее дальнейшие шаги.

Алика тоже была логик. Вместе с тем, она относилась еще и к везунчикам, что в значительной мере рознило ее с Рамсесом. Но, эти два понятия в ней, как в девушке, противоречили друг другу. Как логик, Алика хотела спланировать все, но, одновременно, как везунчик, она надеялась только на удачу. Благодаря этому сочетанию, не так давно Алике перешла в собственность квартира, которую она до этого снимала.

Внезапно Алика остановилась и повернула голову к Рамсесу.

– Скажи мне, вот, почему сегодня должен был так начаться день? – заговорила она с тем же раздражением в голосе, с чего началась встреча.

Несмотря на опоздание, терпению Рамсеса подходил конец!

– Алика, к чему опять это начинать? Прошу тебя, я ж не виноват, что у Дауна...

– Да вот в том-то и дело, – перебила она в еще большем негодовании, – ты, вместо того, чтобы извиниться, решил позабавиться, да еще и затронул тему «Даунов»? Знаешь что? Оставь меня в покое, а то ты основательно испортить мне сегодняшний день!

Из-за неожиданного поворота событий, Рамсес, словно вспоминая русскую речь, смог лишь развести руки и, неумело отыскивая оправдание вроде как, непонятно чему, попытался заговорить:

– Но...

– Рамсес! – требовательно обратилась она.

– Что, Алика? – перебивая, тут же ответил он и, словно вспомнив родной язык, на повышенных тонах предложил: – Хорошо, давай все забудем и скорей уже отправимся на этот чертов променад, коль скоро я к тебе пришел!

Алика презрительно усмехнулась. Она недоверчиво покачала головой и тихо произнесла:

– Это еще, кто, к кому пришел?

Рамсес взялся руками за голову от переизбытка недопонимания, глядя на то, что происходило с настроением подруги.

– Алика, правда, давай попросту поедем в лес! – нервничая, почти умолял он.

На что она ответила по-прежнему спокойно, пристально посмотрев в его глаза:

– Тебе никогда не приходило в голову, как сильно ты меня любишь? В смысле, не просто вспомнить о том, что я у тебя есть, когда образовалось «окно» в работе, а по-настоящему, не думая больше ни о чем, а лишь о нашей любви.

Смена в ее настроении окончательно запутала Рамсеса и столь стремительные перемены за весьма короткий срок, были совершенно ему новы.

– Мне редко удается побыть одному и без работы, – ответил он, старательно подражая спокойствию подруги.

Пока Рамсес подбирал слова и нащупывал правильный дальнейший ответ, так и не понимая, к чему она клонит, Алика заговорила:

– Хочешь сказать, ты совершенно не бываешь один?

– Почему же? Но, в силу того, что необходимо... Послушай, – обратился Рамсес, отказываясь понимать ребусы любимой, – к чему именно сейчас надо говорить обо всем этом, когда мы опаздываем?

– Видишь, даже, когда я говорю о любви между нами, ты только и можешь сказать, что «обо всем этом», а уж, когда ты произносил слово «люблю», так я и вовсе этого не помню.

– Чего ты еще не помнишь? – окончательно вышел из себя Рамсеса.

Алика демонстративно сделала вид, что задумалась:

– Ты знаешь, это, смотря при каких обстоятельствах?

– Допустим, когда я опаздываю к тебе? – спросил он и, в силу того, что продолжал нервничать, это выглядело, как насмешка.

– Когда ты опаздываешь ко мне, я заметила одно – даже не смотря на то, что мы мало видимся, ты не спешишь! Допустим, почему бы тебе заранее не отложить дела, чтобы выйти загодя? То, чем ты занимаешься – никогда не переделать. Помню, я как-то долго тебя ждала, все стояла у окна и смотрела во двор. Был вечер. Молодая пара, стоя на тротуаре под слабым желтым светом уличного фонаря, мило держалась за руки и никак не могла расстаться, – Алика благодушно улыбнулась. Было видно, как она сдерживает себя, чтобы не расплакаться. – В тот вечер, ты так и не пришел. Лишь позвонил и сразу начал говорить, что это из-за работы и, как всегда, ты отшучивался.

Вид Алики, у которой вот-вот могут навернуться слезы, не вызвал у Рамсеса чувство жалости – настолько много, как полагал он в эти минуты, всего накопилось между ними. Поэтому, впервые, он решил, что сейчас же должен расставить все точки над *i*.

– Хорошо. Подобно тебе, я тоже могу подмечать! Мы с тобой хоть и живем в одно и то же – общее – время, но иногда ты все же переходишь в иное измерение, которое ты создаешь для себя на миг. И вот тогда-то ты смело позволяешь себе быть чуточку другой. А происходит это ровно в тот момент, когда тебе так проще, нежели постараться понять меня! Кстати, в отличие от тебя, я не хитрю и собираюсь идти с тобой в лес, как этого захотела ты! И...

Не желая слушать, она перебила его, словно бы понимала, о чем намерен говорить возлюбленный и дальше:

– Не волнуйся! Я поняла тебя полностью. Ты можешь больше не утруждаться на день сегодняшний, потому как я столь всецело тебя поняла, что без особых ухищрений смогу пояснить моим друзьям уважительную причину отсутствия тебя. Урод!

Рамсесу казалось, что Алику в скором времени затрясет – настолько сильно она разнервничалась. Пожалуй, ему никогда не приходилось видеть ее в таком состоянии.

Он хотел прикоснуться к ней, но Алика резко одернула руку.

– И это уже не обсуждается, – твердо, бескомпромиссно, умело, как во время деловых переговоров, заявила она: буквально не оставляла шанцев обдумывать информацию и собеседники шли на поводу услышанного. – И не иди за мной! И не начинай дурацкие шутки! И не делай даже попытки приблизиться ко мне! И, и, и... – выпалила она напоследок.

Алика резко повернулась и начала быстро удаляться от потрясенного Рамсеса, который никогда до этого не видел ее такой.

Он стоял в полнейшей растерянности, словно бы прозвучала автоматная очередь (но из букв «и») в его сторону, а «выпущенные пули-буквы», как в замедленной съемке, находились на подлете к груди, а за ней их целью являлось сердце.

– Н-да, – протянул задумчиво Рамсес, оставаясь на месте и взглядом провожая подругу, – В детстве, с мамой, было проще.

За год знакомства, это была первая серьезная размолвка в отношениях. Ничего подобного до сей поры, не было, так – типичные неурядицы. Сейчас же Рамсес не знал, как ему поступить. Догнать и еще больше извиниться? Либо, как и прежде, расхвалить? Или же, и впрямь, необходимо оставить ее в покое?

Она завернула за угол дома и скрылась из вида. Желание догнать, у Рамсеса, это не вызвало.

Ему сильно захотелось курить. Он знал, что за углом, за которым «исчезла» Алика, находится табачный киоск. Предвкушая первую затяжку, Рамсес все же повернулся в противоположную сторону и направился обратно – туда, откуда только что пришел. Ему впервые не захотелось снова начинать разговор с Аликой (как частенько он это делал, пока не добивался расположения) – если бы все повторилось, ему точно бы не хотелось одиноко стоять рядом с сигаретным киоском: табачный посол внутреннего перемирия мог оказаться весьма некстати и он бы непременно закурил.

Рамсес поймал себя на мысли, что сегодня ровно шесть месяцев, как он бросил курить. Произошло это благодаря Алике. Точнее условностям, которых она насчитывала пять.

Почему-то из всей массы психологов, кто соревнуется в доказательстве правоты подходов к браку, Алика выбрала американскую женщину. И, до встречи с Рамсесом, она свято руководствовалась в выборе избранника теми условностями, что были предложены на суд читателя в книге. Но и, когда она влюбилась в Рамсеса, Алика не смогла отказаться от (всего лишь) теории, как вести себя, чтобы появился успешный, (не меньше чем!) партнерский союз для будущего удачного брака. Рамсес предлагал ей теперь поменять концепцию. Пойти дальше – и союз состоялся и свадьба была не за горами. Но книга пережила второе рождение в глазах Алики сродни священному писанию, как любил шутить Рамсес.

Ко всем пяти пунктам он относился никак. По принципу – это увлекает ее, и ладно.

На первом месте у Алики было следующее. От начала возникновения отношений до брака должно миновать не менее одного года и непременно с проживанием на разных территориях. Справедливости ради, необходимо отметить, что последнее ему подходило в полной мере – он и сам до конца еще не определился в чувствах.

Далее следовала статусная политика – мужчина и женщина должны представлять один социальный слой, где, среди прочего, наличие равного материального положения играет ключевую роль. А с началом близких отношений, Алика, можно сказать, с одержимостью увлеклась идеей, сравняться с избранником по статусу – и в материальном, и в профессиональном плане.

Этим же пунктом значилось – одинаково категоричное отношение к курению. Вот только с тем фактом, что Рамсес – коренной москвич, а она всего как несколько лет перебралась из глубинки в столицу, с этим уже ничего нельзя было поделать. С подобным можно лишь только смириться и обоим прикидываться, будто абсолютно все пункты наметившегося союза «согласованны» с теорией американского психолога – женщины.

Продолжался же перечень совсем непонятными ему суждениями по части любви. Он никогда не анализировал на эту тему, а просто – без сантиментов – знал, что есть любовь: разная, всякая. Но, когда он «столкнулся» с американским психологом-женщиной, ему показалось, что речь в книге идет о чем угодно, только не о браке и любви. А, допустим, о совместном времяпрепровождении по интересам, по расчету, в конце концов, по дальновидности, но никоим образом не о союзе по любви!

Так, вслед за двумя пунктами, Алика должна была непременно выбрать мужа близко по возрасту. В случае же с Рамсесом разница между ними составляла пять лет. И, как тут быть, если ровно настолько она старше двадцатипятилетнего Рамсеса и они полюбили друг друга? По этому поводу в книге ответа не было.

Согласно следующему «предписанию», Рамсес с трудом бы попал под прицел к любой девушке, потому как муж не должен быть более красив, нежели она сама!

И, наконец, последним, как некая (согласно риторике) оригинальная мысль автора, значилось то, что Рамсесу понятно априори. Вот все, что угодно можно было отыскивать, подбирать и стараться еще, чтобы найти, но, это подходило всем без исключения брачным союзам. Муж и жена должны дополнять друг друга. Поэтому они обязаны быть противоположными! Иного Рамсес никогда и не знал. Как еще мог один чего-либо добавить другому, если по характеру супруги абсолютно единодушны по всем вопросам?!

Упоминание о последнем, вызвало улыбку у него. Именно потому, что они разные, Рамсесу так сильно не хотелось ехать на эту прогулку за город, что Алике пришлось всю неделю на ней настаивать, дополняя любимого пониманием.

Думая, естественно, о ней, Рамсес не заметил, как вышел на прямую тропинку, по которой приближался к одинокой скамейке – месту, послужившему отправной точкой к развитию других событий, нежели тех, что были заложены им со вчерашнего вечера на этот предстоящий день.

5. Встреча третья

Начало нового отчета.

Рамсес остановился у скамьи и огляделся – на сей раз, в утренние часы выходного дня, здесь никого не было. Он подумал, что, пройди он тут сейчас, ничего бы из того, что произошло с Аликой, не было! Даже, если он опоздал бы на пять минут, она бы его простила: Рамсес постоянно был загружен делами, рабочий день заканчивал глубоко за полночь. А подруга смирилась с минутными опозданиями, особенно по утрам.

Он сел на скамейку, как вдруг, его посетила неожиданная мысль и он принял позу того парня-Дауна, как запомнил ее со спины. Не клоня головы, Рамсес выпрямился, а взгляд зафиксировал перед собой. Он задумался, о чем размышлял в те минуты парень, но тут же осекся: а способны ли вообще «раскидывать мозгами» люди с синдромом Дауна? Он усмехнулся, подумав, что, не смотря на знания, ему мало что известно об этих людях.

– Ну, да ладно, – сказал он вслух, не меняя принятого положения.

Рамсес решил, что на сегодня хватит негатива и прикинул, с чего он может начать, чтобы зарядиться позитивной энергией. Во-первых, Рамсес в удовольствие распрямил плечи. Затем он желаемо прогнулся в груди и начал продолжительный вздох, наполняя легкие осенним, прохладным по утрам, воздухом.

Рамсес почувствовал, насколько был не прав, внутренне сопротивляясь экскурсии в лесу, которую спланировала Алика.

Зарождение солнечного дня благоволило общению с остывающей с лета природой.

Он закрыл глаза. Решая продвинуться в чувствах к естеству, Рамсес буквально ощутил холодное дыхание осени. Ему захотелось отдалиться от повседневности и непременно сейчас забыть об Алике.

Удивительная эмоция переполняла – он не мог теперь видеть, и потому Рамсес по памяти охотно воссоздал лес, который словно бы задумался в преддверии холодных дождей с последующими выюгами. Потому, как молчала природа, он вообразил, что лес грустит перед долгим зимним сном. В фантазиях Рамсес испытал блаженство и подумал, что вот оно, то мгновение, когда можно рассуждать о смысле жизни и предназначении себя на Земле.

Но тут же отчего-то он засмутился, оттого спохватился и открыл глаза.

Лес стоял, как обычно: всем видом узнаваемо указывал на осень и только. Ему стало неловко самому перед собой за вымысел, видя, что лес, придуманный им, ничего не источает, а просто стоят стволы и раскинуты кусты без листьев на ветках.

Привычное состояние возвращалось. Фантазии и сомкнутые веки не мешали смотреть на осенний лес, залитый солнцем. Рамсес вновь вспомнил о подруге. Точнее, то, что между ними произошло.

Безусловным было одно, ее поведение для него ново и непривычно.

Он подумал, как поведет себя она в лесу во время прогулки? Но почти сразу переключил внимание только на Алику – безо всякого леса и, тем более, ее поведения в нем.

Сегодняшний променад в лесу не был случайным. Благодаря женственности и темпераменту, а главное для реализации планов и высоты самооценки, Алика познакомилась с небольшой группой успешных и, все, как один, коренных москвичей. Они, в бытность свою, в какой-то скучный, одинокий, но прекрасный день начинали пропагандировать общение с первозданной природой без оглядки на цивилизацию. Что, по мнению Рамсеса, более походило на разновидность гламурной жизни, нежели имело прямое отношение к потугам в мыслях исключительно о природе без современных достижений. Чему вторило и название «лесной променад», а не самая обычная прогулка в лесу без затей.

«Кстати, – подумал он, – что, если она так настаивала на моем присутствии в «лесном променаде», потому, что я тоже коренной москвич и более ей от меня ничего не надо было?..»

Он сокрушенно вздохнул.

Прогулки практиковались по выходным, и только время от времени из-за плотного рабочего графика участников, но, не менее чем раз в квартал. Они выезжали за пределы столицы, там гуляли по тропинкам в лесу и за общением коротали время. Но была отличительная особенность – каждому запрещалось иметь признаки цивилизации: сотовые телефоны, часы и т. д., тем более автомобиль; в общем, ничего кроме воды.

Рамсес считал себя успешным пользователем современных благ и с трудом принимал любой из подобных лозунгов «без оглядки на цивилизацию». Но в данном конкретном случае мнение Рамсеса по поводу прогулок в лесу, для Алики носило риторическое обращение и только. Ей необходимо налаживать более близкие контакты с потенциальными партнерами по бизнесу и этим у нее в жизни обуславливалось абсолютно все!

Рамсес продолжал думать о ней, вместе с тем, пытаясь найти оправдание тому, что же утром произошло между ними?

Во время первого знакомства, специфическим признаком характера Алики была благородная содержательность деловой женщины: требования к макияжу, к одежде, к способам ведения переговоров для высокого и приземистого статуса (что, несколько различается) и т. д., помимо этого, она выделялась модными деталями в подходах к ведению бизнеса.

Познакомившись ближе, Рамсес понял, насколько она отличается от той – «другой» вумен-Алики, когда жизненные устремления не требуют бизнес-активности. При всех – деловому собранная, с боевым настроем, готовая жить мирно и в согласии со всеми, несмотря ни на какие обстоятельства и вовсе другая, когда они оставались наедине. С первой же опасностью Алика «убегала», «пряталась» и уходила в себя, погружалась в свой мир и становилась настоящим ребенком, словно, не желая быть взрослой.

И Рамсес влюбился. Забота о ней, как о ребенке, несмотря на разницу в возрасте, доставляла ему трепетное наслаждение. Допустим, когда Алика в минуты слабости рассуждала о том, насколько ей важно доказать себе, что она способна на многое – это необычайно умиляло его. А вся история, как она в двадцать пять лет поставила перед собой высокие цели и устремилась их достигать, чтобы реализовать сою самооценку, выглядела почти нелепой! К тому же, Рамсеса умиляла ее искренность и вера в себя.

Воспоминания ему пришлось прервать. Позади себя Рамсес услышал шуршание листвы, как если бы кто-то бежал и быстро приближался к нему. Испытывая не более чем любопытство, он неторопливо начал поворачиваться. Одновременно с этим, Рамсес услышал за спиной хлопки, похожие... на выстрелы из пистолета с глушителем! Он машинально пригнулся, почти лег, укрываясь за высокой спинкой скамейки. Первое, о чем он подумал, в сюжете какого фильма ему приходилось наблюдать за подобным.

– Идиот! – тихо выразился он о себе, продолжая оставаться в неудобной позе.

Хлесткий шум выстрела с глушителем, как подобие натянутой и только что порванной струны, повторился. На спинку скамьи пришелся жесткий ошеломительный точечный шлепок. Он разорвал деревянные волокна и вмиг перед глазами Рамсеса образовался полукруглый кончик пули, который застрял в утолщенной спинке скамьи и был невероятно гладким.

Рамсес округлил глаза и уставился на пулевое отверстие с торчавшим свинцовым сердечником. Мысль, что он был свидетелем пальбы, которая оставила след в скамье, но, всего лишь в паре сантиметров от виска, окатила реальностью происходящего. Рамсес словно заново очнулся.

Тот, кто стрелял – живо приближался, а динамичное шуршание листвы дополнилось еще двумя выстрелами. В этот раз, обе пули с большой скоростью вцепились поочередно в почву где-то под скамейкой.

Не раздумывая, Рамсес рванул с «належавшего» места. Впервые опираясь на полусогнутые ноги и пригибаясь, он мгновенно развил скорость, как если бы обычно стартовал на стометровой дистанции. Звук огнестрельного оружия не заставил себя ждать, – за спиной, снова раздался выстрел и благо, что одиночный.

Рамсес метнулся с тропинки в сторону, в лес. Он принялся петлять меж деревьями и кустарниками и не сбавлял темп. Из-за по-человечески неистовой скорости, Рамсес не успевал уклоняться от веток. Хлесткие удары в большей мере ощущались на лице. Они словно подготавливали его и заставляли развить темп до невероятных пределов.

Выстрелов Рамсес больше не слышал, но, ровным счетом ничего не понимая, он спасался бегством: выписывал рваные траектории и подсознательно делал все, чтобы не оставить шанс стрелявшему, и выжить.

Из леса он выскочил, как разъяренный зверь. Изрядно уставший, тяжело дыша, Рамсес пробежал еще метров пятьдесят до ближайшего строительного вагончика и за ним остановился. С появившимся шансом отдышаться, он руками уперся в колени и скорчил лицо от боли в груди. Сиюминутно переведя дух, Рамсес ощупал тело. Убедившись, что с ним все в порядке, он тут же сошел с места и украдкой выглянул за угол небольшого строительного вагона, за которым прятался. Не увидев никого, Рамсес перебежал к противоположной стороне и так же аккуратно посмотрел за угол. Насколько можно было проглядывать лес, и по эту сторону тоже никого не было. Рамсес затаил дыхание, чтобы послушать, не дышит ли кто тяжело, прячась, в какой-нибудь близости. Но подозрительных звуков он не услышал.

Минут через десять, после коротких пробежек, с опаской осматривая местность по обе стороны укрытия, он, наконец-то, позволил себе немного расслабиться. Продолжая наблюдать за лесом и пытаясь разглядеть любое движение между деревьями, да кустарниками, он не мог понять, что это было? То, что стреляли в него – было понятным! Но почему? Кому это понадобилось? А главное для чего? Лишить жизни, чтобы что? Всего этого он никак не мог понять.

Отродясь у него не было врагов. А если предположить, что он смертельно кого-то обидел в последнее время, – так это было просто невозможно! Как минимум, уже несколько месяцев он живет – работа, супермаркет, дом. И крайне редко прямое общение происходит только с Аликой. Даже с коллегами, в целях экономии времени, непосредственный контакт сведен до минимума: исключительно по Skyp-у или вопрос-ответ e-mail-ом. И не важно, что кто-то сидит в соседнем кабинете, идти к нему займет больше времени, чем щелчком мышки мгновенно можешь уточниться по любому вопросу. И пока идет торговая сессия, так протекает каждый день. После биржи (основного рабочего времени), Рамсес только-только успевает выполнить необходимое – разобраться со всей, обрушившейся за день, информацией, отследить в прямом эфире, благодаря разнице во времени, сводки с мировых бирж и еще много чего, чтобы подготовиться на все 100 % к открытию следующих торгов на российской бирже. И все! Конец рабочего дня и спать!

По памяти Рамсес быстро перебрал тех, с кем ему приходилось общаться чаще всего по работе. Отчетливо помня темы разговоров, ни одна из возникших (биржевых) ситуаций не показалась ему настолько уж смертельной. И ни один из клиентов, кого он курировал, не потерял ни цента, ни даже половину от этой монеты! Наоборот, они были в восторге от видения Рамсесом ситуации на рынке ценных бумаг.

– Полнейший бред, – устало пробубнил он, но тут же встревожился от догадки. – Может, это был «утренний нарик» и вот так он решил мне отомстить?

Еще раз Рамсес внимательно осмотрел лес по обе стороны от вагона. В очередной раз убеждаясь, что нет преследования, ему стало не по себе. Рамсес размышлял, что, если бы стре-

лявший был тот «обдолбанный наркоман», то он бы не успокоился и плелся бы за жертвой до последнего. Значит, стрелял другой. На это указывал и тот факт, что «нарик» никак не мог знать о возвращении Рамсеса по этой тропинке.

– Может это случайность и хорошо, что я остался жив? – вслух Рамсес попытался успокоить себя, как тут же усомнился. – А может, это был киллер? Он следил за мной с самого утра, а из-за инцидента в лесу по дороге к Алике не смог меня убить. Затем он продолжил за мной слежку. Получается, только что для убийства был подходящий момент?! Но у него опять ничего не вышло, а за пределами леса киллер, конечно, не захотел светиться? – Рамсес грустно усмехнулся. – Чего тогда он не попал – не особо меток?! – ирония была не долгой и ему вновь стало не по себе. – А, возможно, что я у киллера первый. Почему бы нет, если он – молод, как и я?

Он устало провел ладонью по лицу и оторопел от пришедшей мысли, которую сразу и озвучил, рассуждая далее:

– А что, если стрелявший – тот парень, который выглядел, как с болезнью синдрома Дауна?.. Внешне-то он был крепышом и, вроде как, не сильно уж и болен, – с минуту обдумав сказанное, Рамсес продолжал: – Допустим, парень, на самом деле, болен Даунизмом. Тогда, осознав, что iPad утерян, он приходит в негодование и, воспользовавшись «лежавшим под койкой» пистолетом, возвращается прикончить обидчика. Ну, а что, если он, и, правда, больной. Тогда тоже все логично. Преследование он прекратил, потому что патроны закончились или устал. Да, это вполне подходит к парню с синдромом Дауна, – обобщил он.

Продолжая «сыпать версиями», от следующей догадки у него пересохло в горле, и Рамсес прошептал:

– А что, если тот парень – вовсе не Даун, а настоящий киллер!!! Тогда, получается, что «Наркоман» помешал тому убить меня и за это – спасибо «Наркоше»?!

Рамсес обхватил голову и сильно зажмурился. Затем, он вскинул руки кверху, словно взывая Господа послать ему разум, и для большего эффекта, потряс головой, но имя Всевышнего он не стал упоминать.

– Так недалеко и параноидальный ряд пополнить, блуждая гусиным шагом в догадках по глубинам сознания, – сказал он под конец с облегчением, решив, что выбросит из головы весь тот бред, о котором думал.

Для пущей убедительности в намерениях, опуская руки, ладонями Рамсес похлопал по щекам. Но тут же он поймал себя на мысли, что начал сомневаться в произошедшем с ним.

– Не так уж и много понадобилось времени, чтобы в хлам запутаться во всем! – высказался он с горькой иронией.

Но возвращаться в лес к скамье сейчас, Рамсес не решился: подумал, что завтра будет еще один выходной и тогда... (он медлил, принимая решение).

– Посмотрим, – весьма кратко изложил Рамсес.

Сказав это, он впервые за сегодня почувствовал, что сильно устал. Субботнее время было ранним, но по ощущениям, ему казалось, что он уже прожил день и как по рабочим часам.

Не доверяя ничему, ни мыслям, ни случайностям, Рамсес напоследок убедился, что никого нет поблизости и только тогда он покинул укрытие. Идти решил напрямую: через стройматериалы, которые лежали на пути к еще не заселенной новостройке.

Преодолев невысокие препятствия, он добрался к дому и настороженно вошел во двор. Стройка не была обнесена бетонными плитами. Судя по всему, дело шло к сдаче объекта.

Выходным утром у дома вяло копошились рабочие, только-только приступая к обязанностям. До Рамсеса им не было дела. Они привыкли к потенциальным покупателям или же к собственникам возводимого жилья.

Рамсес опять огляделся и поспешно зашагал дальше, желая удалиться с этой территории и, как можно скорее, оказаться у себя в квартире. Внезапно он остановился. То, что лежало

на земле, заставило его вновь оглядеться. Не заметив никого подозрительного, он наклонился, чтобы поднять темный осколок с тремя начальными буквами от слова «iPad».

– Потерял чего? – услышал он позади себя вопрос незнакомца и от неожиданности, только лишь не подпрыгнул, но напугался сильно.

Рамсес успел пальцами захватить осколок, потом быстро выпрямился и обернулся на голос.

– Вот. От корпуса, – с трудом выговорил Рамсес три слова из-за испуга, испытывая внутреннее напряжение и, в том числе, вспомнив, как убегал от погони. Не найдя дополнительных слов, он молча продемонстрировал находку в вытянутой руке.

Рядом стоял мужчина в годах, плотного телосложения с обветренным, потому покрасневшим лицом, а вместо одной брови красовался шрам. На нем была выгоревшая застиранная роба и чувствовал он себя вполне в своей тарелке. Чего нельзя было сказать о Рамсесе.

– Ты квартиру пришел смотреть? – бесцеремонно спросил мужчина, не обратив ни малейшего внимания на осколок.

– Да, собственно...

– Значит, так! – перебивая Рамсеса, нетерпимо и неприветливо констатировал он, понимая, что встретил не собственника квартиры в новостройке. – С этой секунды ты знаешь про запрет. Я тут за начальника и мне велено, попутно, отслеживать слоняющихся.

– Нет. Я к Вам случайно... – у него чуть не вырвалось выражение «из леса выбежал». Понимая, что не к чему все пояснять этому «за начальника», Рамсес поднял повыше руку, чтобы наглядней показать находку. – Осколок. Вот. У меня знакомый такой же компьютер разбил и я подумал...

– Этот что ли, знакомый? – привычно перебивая, продолжал говорить «за начальника» и кивнул, чтобы Рамсес посмотрел вверх.

Рамсес взглянул на крышу новостройки.

Отчетливо можно было понять только то, что на крыше кто-то сидит.

У Рамсеса заглохло в ногах: воображая, что туда залез тот самый «неадекватный», в жуть расстроенный Даун и он вот-вот бросится вниз убитый горем из-за iPad-а... Рамсес на секунду оторопел. Оклемавшись, он перешел на крик:

– Вы обалдели, что ли!? Он же сейчас спрыгнет?

– Раз прыгнет – значит, убогий. Ну, а придавленным – туда и дорога, – с ехидностью отметил «за начальника» и гортанно засмеялся.

– Да... – начал было говорить Рамсес, вскипая от бестактной дикости мужлана, но договаривать, не стал.

Ему ничего не оставалось, как кинуться на помощь к бедолаге. Счет мог идти на минуты. Он побежал в сторону подъезда, откуда был короткий путь на крышу, но тут же остановился, чтобы, на всякий случай, из-за только что озвученного «за начальником» запрета «не слоняться по стройке», объяснить тому, что произошло с парнем в лесу.

Но тот опередил, не дав сказать:

– Слышь, ты! Я бл...

– Да пошел, ты! – перебивая, проорал Рамсес и, чтобы не терять время на «за начальника-недоумка», он вбежал в подъезд.

После закрывшейся за ним двери, звуки со стороны улицы стихли. На пределе возможностей Рамсес помчался по лестничным проемам: в голове пульсировало одно – желание успеть! Почти сразу дала знать о себе усталость. Поутру, выходя из подъезда, он не мог представить, что его ожидает три пробежки, а каждая последующая потребует еще большей выносливости. И уж, какого черта, подобное на него свалилось – он не понимал искренне.

Преодолевать последние этажи Рамсес старался хотя бы быстрым шагом – это оказалось все, на что он сейчас был способен, несмотря на регулярные тренировки в дорогой фитнес-студии.

– Толи еще будет, – тяжело дыша, хрипло прошептал Рамсес, словно не веря, что утренние «сюрпризы» закончатся.

Последний этаж, перед тем, как добраться до крыши, Рамсес миновал с замиранием сердца. Он еще не знал, что ему необходимо будет предпринимать, когда он увидит парня-Дауна... если, конечно, успеет.

Как и многие новостройки, здание представляло собой бетонную коробку в несколько этажей и уже с окнами, но не на всех входах в квартиры были установлены двери. Выход на крышу не оказался исключением и потому, увидев в проеме небо, Рамсес остановился. Обессилено дыша, он выжидал время перед последним лестничным пролетом, чтобы выглядеть перед Дауном спокойным. Но ноги продолжали буквально дрожать от напряжения, а сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет. Вместе с тем, он отчетливо вспомнил силуэт спины этого парня – там, на скамейке, в лесу.

Рамсес старательно переводил дыхание и готовился подняться без ненужной суеты. Он не хотел выскакивать наружу, чтобы, не дай Бог, испугать (этого сумасшедшего) Дауненка: любое неосторожное движение или резкий звук могли обернуться трагедией.

В попытках овладеть собой, ему показалось, что за спиной кто-то тщательно скрывает ровное дыхание. Он замер и прислушался, но в эту секунду сильнейший удар пришелся ему по голове: Рамсес тут же потерял сознание, пошатнулся и начал падать...

«Где я?»

«Что со мной?»

Поочередно, с паузой, задался вопросами Рамсес, наконец-то, «сдавшись на милость» сознанию. До этого, в отрешенном состоянии, чувствуя себя неплохо, теперь разум Рамсеса нацеливался примкнуть к здоровью и побуждал хозяина хоть к какой-то объективной реальности.

Первое, что почувствовал Рамсес – неприятный затхлый запах, который смахивал на слежавшийся налет пота, просаленной вонью одежды. С этой ассоциацией он поморщился. Ожившие мышцы лица усилили и без того острую головную боль. Рамсес негромко простонал и захотел коснуться головы, но этого не произошло. Руки и ноги затекли от неестественной позы, как если бы его, словно гуттаперчевого, впихнули в бочку или нишу небольших размеров. С трудом, он все же вытащил из-за спины руку и отекающими пальцами надавил на лоб – боль усилилась, а голова, казалось, исключительно лишь не лопнула.

Он медленно открыл глаза, думая, что и это способно усилить головную боль, как тут же поморщился: почему-то сильнее застучало в висках; и еще – этот запах, он стал почти удушлив и уже невыносимо омерзителен.

Пространство, где находился Рамсес, было темным. Постепенно он начал понимать, что плотно чем-то заткнут сверху, как пыжом. Скрюченный в темноте и в зловонье, он содрогнулся от мысли быть тут похороненным. Скорее гоним глотком свежего воздуха, чем свободой, Рамсес решил выбираться. Не обращая внимания на боль в голове и отек в конечностях, как бы одолжив для себя на время новое тело, он неистово стал напрягать мышцы и мучительно вопить, желая встать на ноги.

То, в чём он находился, раскачалось и с грохотом упало на бок. Удар железа, пришедший о бетон, добавил телу ноющей боли, а неминуемый при падении звук словно расколол (в таком состоянии) башку на две части. Рамсес заорал. Из последних сил он уперся ногами и выдавил омерзительно пахнущую плотную «пробку», как оказалось, состоявшую из вещей. Когда он, наконец-то, выпрямился, то частью лица остался лежать на вывалившихся тряпи-

цах, а телом высвободился по грудь из железного плена, которым оказалась высокая вытянутая бочка. Желая окончательно убедиться, куда его поместили, пальцами Рамсес ощупал круглую в ржавых дырах поверхность – это на самом деле была металлическая бочка.

Организм планомерно начал распределять кровь по телу. Затекшие конечности неприятно покалывали. Но и далее ожидать некое восстановление без движений, было невыносимо – от потревоженного тряпья начало разить гробовым букетом омерзительных запахов.

Рамсес открыл глаза и посмотрел, где он находится. Не поняв ничего, он тяжело поднялся на четвереньки. Испытывая усталость и боль в теле, он пошатнулся и бочка немного покачалась. С желанием хотя бы отстраниться от запахов, на слабых ногах и руках Рамсес вылез из пленения и теми же неуверенными четырьмя движениями преодолел еще пару метров. Но отойти подальше от источника, где смердит, не получилось. Испытывая сильную усталость, он снова остановился. Осматривая пространство, Рамсес понял, что он находится в одной из комнат новостройки и, вероятней всего, там же, где и потерял сознание. Он стоял на четвереньках в полутемном пространстве пустой промозглой комнаты при тусклом отблеске луны и мерцании звезд, которые можно было различать через стекло окна... но в этот раз в подобном романтизме Рамсес не нуждался.

Он опустил локти и пальцем отодвинул край рукава куртки. Светящиеся стрелки дорогих часов показывали на исход суток – приближалась полночь.

«Меня шандархнули не с целью ограбления», – вдруг подумал он.

Со стороны лестничной площадки донеслось усталое шорканье подошв, сопровождаемое тяжелой одышкой. Там кто-то явно двигался вверх.

К этому моменту, будучи напуганным абсолютно всем, что происходит с ним, Рамсес не решился сразу звать на помощь. Шатаясь из-за общей слабости в теле, он поднялся на ноги и, придерживаясь за стену, поспешил к лестничной площадке. Плохо понимая, где находится выход из квартиры, он шел на звук шаркающих подошв.

Добравшись до пыльного подъезда, такого же холодного и темного, как квартира, откуда он выбрался, здесь, на счастье, еще никого не было.

Звук – но уже более отчетливый – продолжал доноситься снизу. Кто-то неспешно шел вверх. Как и прежде, побаиваясь неизвестного, Рамсес пытался сообразить, как ему поступить дальше? Тот, кто поднимался, мог быть и сторож, который услышал грохот упавшей бочки, и тот, кто, зачем-то, спрятал его в той комнате.

Рамсес остро, сродни нашатырю и будто заново, почувствовал знакомый омерзительный запах. Машинально он поднес рукав к лицу и тут же заткнул пальцами нос: от одежды разило не меньше, чем от тряпья в бочке.

Медлить было нельзя, Рамсес понимал, если намеренно шли за ним, то, благодаря чудовищной вони, чем разит за версту, он не смог бы тут спрятаться. Впрочем, и в другой квартире тоже. Далее, не особо рассуждая, кто идет за ним, сторож или киллер, Рамсес, бесшумно ступая, пошел вверх.

Как и днем, он на секунду остановился у последнего лестничного пролета, за которым был выход на крышу. Проем, ожидаемо, зиял черным небом со звездами. Интуитивно он обернулся. Теперь никого позади не оказалось. Перешагивая через пару ступенек, он, наконец-то, добрался до цели, откуда потянуло свежей прохладой, что по-настоящему его взбодрило. Рамсес вышел наружу.

В ночи, тут под звездным небом больше никого не было. По обе стороны от новостройки с крыши открывшийся вид сильно разнился. Там, где раскинулся лес, свет в окнах жилых домов был на приличном расстоянии, а по другую сторону – совсем рядом. Рамсес не ожидал здесь никого встретить, но, на всякий случай, опять осмотрелся.

Куда идти дальше, решение пришло мгновенно и он побежал, но все так же стараясь двигаться без особого шума. Глаза при мерцании звезд и тусклой луне быстро свыклились с тем-

нотой (скорее, не особо отвыкнув от мрака в бочке) и ориентироваться на крыше не составило труда. Ему хотелось незамеченным, как можно быстрее, оказаться на противоположном конце дома. Затем, если повезет и там не будет закрыта дверь или она, как и в предыдущем подъезде, не окажется на месте, то Рамсес быстро спустится вниз. А далее, он мог бежать без оглядки, от этого чертова дома.

Благополучно проделав весь путь до выхода из подъезда, не медля, он выбежал на безлюдный участок перед новостройкой. Быстрым шагом, чтобы не привлекать внимание, Рамсес направился к дому, в котором живет: с надеждой, что больше ничто не будет способно ему помешать попасть к себе в квартиру!

Продолжая идти спешно, он вспоминал, что с ним произошло.

После стольких лет каждодневной аналитики, пусть финансового рынка, но изучения результатов, Рамсес мог «перелопатить» любую информацию и выдать, хотя и (как все) предположительно, но грамотно, итог.

В эти минуты Рамсес не пытался понять, за что так упорно хотят его убить? По горячим следам, перебирая детали, ему хотелось, по-возможности, осмыслить, кто был исполнителем. А то, что его заказали, сомнений уже не вызывало – двух случайностей в один день и в кратчайший промежуток времени не бывает!

Из всех версий, кто мог ударить по голове и кто был стрелявшим, самой неестественной, но оправданной, была лишь одна, которая напрямую вязалась с тем парнем... с синдромом Дауна, засевшим на крыше. Но теперь Рамсес «болезнь» того молодого человека воспринимал, как прикрытие.

Тогда, в лесу, во время первой встречи, для киллера-«Дауна» все пошло не по запланированному сценарию. Вероятно, пока Рамсес не спеша шел по лесу, киллер-«Даун» вполне мог опередить его и сесть на скамейку, поджидая жертву. Когда для убийства было все готово – пистолет, тот же iPad, – в планы вмешался «Наркоман», которому на глаза попала дорогая «игрушка». Вляпавшись в нелепую ситуацию, киллеру пришлось пойти на то, что он дальше и разыграл перед Рамсесом – ведь появился свидетель – «Наркоман».

Вполне могло быть, что убийца заранее подготовил здесь, в лесу, яму для захоронения тела Рамсеса, и планировал, перед тем, как замести следы, по Skype-у – посредством связи через iPad – продемонстрировать заказчику тело. А иначе, Алика полагала правильно, и правда, как iPad мог оказаться в руках у Дауна? Это же, действительно, абсурд, чтобы у такого – с отклонениями, вообще был iPad!..

Если же, это было так, как предполагал Рамсес, то заявка на смерть исходила от человека-богача, у кого серьезные деньги. И это могло означать только одно – желающий смерти Рамсеса – непосредственно связан с торгами. Других знакомых, кто обладал бы приличным состоянием и заработал бы его вне биржи – у Рамсеса не было.

Но, в лесу, планам не суждено было сбыться из-за нежелательного свидетеля. Полиция, как правило, начнет собирать информацию у местных наркоманов. Ведь всегда оставался риск, что тело могли случайно и быстро найти (хотя бы потому, что в лесу часто выгуливают собак).

После неудачи во второй раз киллер-«Даун» в силу новых обстоятельств, пока Рамсес отсиживался за вагоном, разыграл, как вариант, ситуацию с новостройкой. И он грамотно привлек внимание Рамсеса, таким вот, на первый взгляд, чудным образом – сидеть на краю крыши. В третий раз, у него получилось. Кроме, конечно, выноса днем тела и, за неимением iPad-а для прямой трансляции с места событий. Поэтому, на время киллер-«Даун» спрятал тело, прикрыв омерзительно пахнувшим тряпьем, чтобы к телу и близко никто не подходил, а, почуяв запах, бежал подальше от той комнаты.

Что же касалось сидящего на крыше парня с синдромом Дауна и профессионального убийства, в случае обнаружения тела не через пару лет, а, допустим, на следующий день, то

маловероятно, что кто-то из сотрудников полиции стал бы увязывать подобное обстоятельство: ведь, правда, засмеяли бы того, кто выдвинул бы такую версию.

Получалось, ситуация вокруг Рамсеса обстояла таким образом, что минутами ранее в новостройке, и правда, поднимались за телом с жадной, наконец-то, его закопать тут, в лесу, в давно приготовленной яме.

«Вероятно, сроки уже поджимают убийцу», – подумал он рассудительно.

Рамсес шел через двор, когда вновь пришедшая догадка укрепила мысль, что киллер – парень с синдромом Дауна и «болезнь» его – классное прикрытие для убийцы! Опиши преступника с такими чертами лица, первое – непременно засмеют, и второе – можно подозревать всех парней на планете с этим синдромом! Они – Дауны – на одно лицо, невообразимо похожи друг на друга, и только родные мамы способны их различить!

Первым делом, как Рамсес зашел к себе в квартиру, он не включил свет. За собой закрыл все замки и начал ждать, пока глаза привыкнут к темноте. Нашупав битую, Рамсес взял ее в руки. С недавних пор она находилась у выхода из квартиры и всегда «наготове». Бита была давно (увлечение по молодости бейсболом). А после просмотра фильма с криминальным сюжетом из девяностых, где главный герой спас себе жизнь при помощи нее, потому что она была под рукой и всегда находилась у входа в квартиру, Рамсес определил увесистой бите новое место: незаметное, в коридоре, за шкафом. Ровно на этом восприятии отложился в голове небольшой фрагмент из фильма. Впоследствии Рамсес сам посмеивался над этим, но бита так и осталась стоять за шкафом.

С серьезным аргументом в руках, твердо удерживая битую перед собой, Рамсес отправился осматривать комнаты. После первых осторожных шагов в прихожей, он услышал, как в замочную щель, старательно тихо, кто-то воткнул ключ. Рамсес не поверил очевидному и затаился в ожидании. Тот, кто находился по другую сторону входной двери в квартиру Рамсеса, словно испытывал нервы самого хозяина и тоже ничего не предпринимал. Когда напряжение возросло до предела, в замке раздался с первым оборотом ключа слабый щелчок. Рамсес так испугался, что резко повернулся лицом к двери, тем самым с грохотом шарахнув битой о шкаф. С задержкой в пару секунд раздался новый, но теперь уверенный и быстрый, щелчок в замке. После этого неизвестно кто выдернул ключ и стремительно побежал по лестнице явно вниз. Рамсес кинулся к двери и припал к глазку: кого-то разглядеть было бесполезно из-за темноты в линзе.

Откладывая битую, Рамсес быстро развернул продолговатую невысокую тумбочку для обуви и она удачно пришлась между входной дверью и шкафом, который находился напротив. Убедившись, что дверь не открыта, он схватил битую и побежал к окну на кухне, вид из которого приходился во двор.

Проезд для машин и пешеходная дорожка, не были хорошо освещены, но разглядеть, как кто-то выходит из подъезда, было можно.

Провисев на подоконнике довольно долго, Рамсес так никого и не увидел. Как быть дальше, он не знал. Нежданный гость, за то время, когда он переставил тумбочку и перебежал к окну, никак не мог спуститься до первого этажа и выйти из подъезда.

И, если незнакомец по каким-то причинам не спешит на улицу, то он может это сделать в любую минуту. Но, возможно, что он продолжает стоять на лестничной клетке и недалеко от квартиры Рамсеса.

Неожиданно зазвонил смартфон, из-за чего Рамсес раздраженно содрогнулся.

«Быстрее можно сдохнуть от нервов!» – подумал он, ощущая уже приступ нервозности.

Телефон продолжал звонить, а он не знал, как поступить, конечно, не желая отходить от окна. Не выдержав, Рамсес кинулся на поиски смартфона: с пятницы трубка так и пролежала нетронутой – ведь телефоны нельзя было брать на предстоящий променад в лесу.

Пока Рамсес метался в поисках, звонок прекратился. Когда он, наконец-то, взял трубку в руку, прозвучал сигнал SMS-сообщения. Не выпустив битую из рук, пальцем он быстро снял блокировку и прочитал:

«Алика 00:33

Ты не звонил мне весь день и не соблаговолил ответить сейчас! Хорошей тебе ночи! Продолжай веселиться!!!»

Сообщение никак не вязалось с улыбающейся Аликой, которая «смотрела» с экрана смартфона.

Рамсес нажал на кнопку «позвонить». Опуская одну руку с битой, а другой прикладывая к уху смартфон, он вернулся к окну. Кроме двух парней, говоривших между собой, у подъезда никого не было. Из динамика послышался голос оператора: телефон отключен или...

Занервничав с новой силой, Рамсес отменил звонок.

– Черт!

Испытывая раздражение уже от всего, он, продолжая удерживать битую и смартфон, задернул шторы, сшитые из светонепроницаемого полотна. То же самое Рамсес проделал во всех комнатах, параллельно, включая везде свет.

И сейчас не особо понимая, как быть, когда на тебя упорно покушаются, ему захотелось прояснить ситуацию хотя бы с Аликой. Пребывая в диком нервозе, он вытащил смартфон из кармана и нажал на повтор последнего звонка. На светящемся небольшом экране вновь появилась фотография улыбающейся подруги, которая при этих обстоятельствах не особо порадовала. Рамсес начал подносить смартфон к уху и угодил рукавом в нос. Резкий знакомый затхлый запах, которым была пропитана вся одежда, напомнил о себе с новой силой.

– С-сука!

– Что-о-о? – ошарашенным голосом, протягивая «о», спросила Алика в смартфоне, этим выразив всевозможную плеяду негодований. – Да пошел ты! Скотина! И не звони мне больше!

– Алика! Алика! – спохватился Рамсес, когда сообразил, что произошло, но было поздно: в смартфоне раздавались ритмичные короткие гудки.

Рамсес на секунду набрался терпения (вреде как рыцарского), чтобы спокойно переговорить с любимой и, лишь нервно водя пальцем по дисплею, повторил звонок на номер ее телефона.

– Аппарат... – незамедлительно зазвучал казенный голос оператора в динамике смартфона.

– Да, что вы за суки-то такие?! – проорал Рамсес, держа смартфон перед собой и бранясь на обеих: бездушный голос и Алику, вновь отключившую телефонную связь.

После чего Рамсес устремил взгляд к потолку и тяжело устало проревел, как зверь:

– О-о-о-о-о-о-о!

Рамсес подумал, что настало время послать всех куда подальше – ровно в такой мере он устал и был измотан собственным бессилием, не имея возможности повлиять на ситуации, как с подругой, так и с покушением.

Больше не произнося слова вслух, Рамсес, как одержимый, при этом обрадованный, что, наконец-то, можно подумать о другом и не менее значимом, решительно направился в ванну. Он испытывал счастье, что хотя бы на ситуацию с запахом можно будет повлиять и сполна, и так, как он пожелает!

С брезгливым раздражением Рамсес снял с себя всю одежду. Оставаясь голым, он засунул вещи, включая осеннюю легкую куртку, в стиральную машину. В специальные отсеки Рамсес

засыпал порошок и до краев влил ароматный ополаскиватель. Он посчитал, что химии мало-вато и поверх зловонного тряпичного кома, Рамсес вытряхнул весь порошок из коробки. Удовлетворенным, он захлопнул прозрачный люк и пальцем нажал на кнопку. Вода стремительно побежала, заполняя барабан для стирки.

С еле заметной ухмылкой он смотрел на первоначальный процесс стирки. На миг ему захотелось, чтобы вода отстирала не только белье, но и то, что на него навалилось: буквально смыла и отжала все лишнее.

Он повернулся и решительно поднял кверху ручку крана, чтобы налить в ванну воды. Журчание в стиральной машине дополнилось еще одной струей. Для большего комфорта Рамсес налил в ванну жидкость, от которой пахло морской свежестью. Через минуту на поверхности воды образовалась объемная белая шапка из пены, как у моря, где непрерывно и часто набегают прибрежные волны.

– Не знаю, – тихо произнес он, – как по поводу «отжать лишнее», но, пожалуй, все с себя смыть...

Головная боль дала о себе знать нудной тяжестью у лба и он не стал договаривать, а в довершение поднял ручку от крана выше, чтобы вода лилась интенсивней.

Пока наполнялась ванна, Рамсес отправился в коридор. Здесь он с обеих сторон в небольшие зазоры у вытянутой низкой тумбы для обуви впихнул по пледу. Теперь, это нехитрое сооружение приходилось в аккурат по размеру от шкафа-купе до входной двери. И отныне, чтобы кому-то войти в квартиру, пришлось бы с большой силой долбить по двери, в попытках хоты бы ее приоткрыть. И то не факт, что так можно будет справиться с импровизированной «распоркой».

Рамсес решил не выключать свет в квартире, с собой в ванную взял только битку и отключил смартфон. Как полагал он, теперь ему удалось сделать все, чтобы никто не помешал, наконец-то, хотя бы спокойному лежанию в ванне.

Когда Рамсес погрузился в теплую воду, скрыв тело за шапкой из пены, над водой осталась только голова. Он задумался о том, что в течение прошедшего дня ни разу не испытывал позитива в настроении, чего никогда ранее с ним не происходило.

Но разом избавиться от тревожных мыслей было невозможно. Рамсес сомкнул веки и начал думать о том, стоит или нет, наутро пойти в полицию? Если да, то, как и о чем при них говорить? У Рамсеса не было ни версий, ни предположений, ни внятных показаний. Все сводилось к:

«Вы знаете, вчера, меня хотели убить. Да-да! Не смотрите на меня так! Три раза! А возможно, и четыре! Потому как, чуть не залезли в квартиру, вероятно, чтобы тоже убить! Правда, у меня на теле ранений нет, на голове шишки тоже нету, а дверь хотели открыть ключом. Кстати, на вопрос, «нет ли следов в местах покушений на Вас?», я Вам отвечаю, моей крови там точно нигде нет, зато, есть моя дверь без признаков взлома (помните, был ключ), в новостройке стоит зловонная бочка. Кстати, даже одежду я постирал, не подумав об идентификации запахов. А на природе...»

– Стоп! – сказал Рамсес, перестав иронизировать, и открыл глаза. Уже и сам усомнившись в нереальности произошедшего с ним, он вспомнил о покушении в лесу, точнее о том месте, где стоит скамейка, в спинке которой (точно!) торчит «свежая» пуля. Рамсес соловоеще обрадовался такой улике. – Надо же, – удивился он и, будучи удовлетворенным, вновь закрыл глаза, – как память-то мне чуть не отшибло?

Укорив себя, как можно было забыть о пуле в спинке скамьи и еще двух в земле, Рамсес приободрился. С подобными уликами можно было смело обращаться в переименованную милицию. Ведь давно известно, что, прежде, чем писать заявление, сотрудников современных органов надобно по-старинке убеждать.

Теплая вода и появившаяся надежда, что такой непростой проблемой займутся в компетентных органах и ему уже не придется ломать голову, позволили догадкам Рамсеса сойти на «нет»: он вовсе перестал тревожиться и незаметно для себя заснул.

6. Последовательность образов

Почти анабиоз.

Парень «с синдромом Дауна» думал, что, раз так, и он не может открыть в квартиру входную дверь, замки которой отворил ключами, то, еще не было в его практике случая, чтобы положение было безвыходным. Верхняя часть двери в квартиру была податливей, нежели низ. Без особого труда он мог понять, что то, чем заблокировали дверь, оно находится внизу.

Парень ушел и уже скоро вернулся с автомобильным домкратом, который сразу же установил сверху в щель между проемом и дверью. Затем он осторожно начал крутить ручку домкрата. Концы нехитрого инструмента стали потихоньку расходиться, а щель увеличиваться в размере.

Этот процесс для парня был несложным, с такими дверьми он давно познакомился. Подобная модель, на первый взгляд, закрывающая вход в квартиру, состояла из каркаса «под металл», а на самом деле, она походила на жестяную банку, где наполнением являлась обычная монтажная пена. В подобных случаях наивность хозяина, которому «впарили» схожую «под металл» подделку двери, была на руку этому парню.

Дверь, не издав громких звуков, легко деформировалась. В размерах увеличенная щель позволила парню проникнуть в квартиру без труда, используя домкрат, как перекладину турника.

Из внутреннего кармана куртки убийца вынул пистолет с глушителем, и ему даже не пришлось искать в квартире объект. Света было достаточно, а тот, собственно, лежал почти напротив входной двери, в ванне, и спал.

– Надо же, – прошептал парень, мерзко улыбаясь и глядя на будущий труп, – вскрыл дверь прямо на глазах, – злуще усмехнувшись, он добавил: – И пусть тоже закрытых.

Произошедшее в дальнейшем, было стремительным. Парень подбежал к Рамсесу и направил на него дуло с глушителем, хладнокровно нажав на спусковой крючок. Пистолет оказался полуавтоматическим: он ритмично застрочил, правда, звук был необычным – походил на глухое болтание тяжелого мотора на мощных пружинах...

В панике Рамсес открыл глаза и замахал руками, разбрызгивая по сторонам воду.

Когда Рамсес, окончательно проснувшись, сообразил, что продолжает находиться в ванне живым и невредимым, а рядом никого нет, то он изнеможенно опустил руки и тупым взглядом уставился на стиральную машинку. Она обыденно заканчивала отжим и, перед полной остановкой крутящегося барабана, издавала глухие от тряски звуки, похожие на те, как во сне стрелял полуавтоматический пистолет.

– Понадобился только один день «непоняток», чтобы я сошел с ума и напрочь забыл о стройной прежней жизни, – сказал Рамсес и мокрой ладонью провел по лицу.

Спохватившись, он посмотрел на входную дверь. Там, ровным счетом ничего не изменилось.

– Ну, да, ну, да, – пробормотал он, поражаясь увиденному во сне.

На этой неделе, друг Богдан указал ему на то, что входная дверь не полноценна. Она отнюдь не металлическая, а Рамсеса так же обманули, как и его. Богдан заверил друга, что подобный «панцирь» можно легко пробить насквозь обычной отверткой, но проводить эксперимент они не стали.

– Господи! – удивился Рамсес, переводя взгляд на большое количество пены, которая, искрясь, красовалась на полу в ванне.

Некоторое время Рамсес тупо соображал, откуда тут образовалась эта пена, пока не вспомнил, что в машинку он высыпал весь стиральный порошок. Пены стало много и она полезла наружу, через то специальное приспособление, которое необходимо дозировано заполнить перед стиркой.

Рамсеса невольно посетила мысль, что отныне беды станут преследовать его всегда и во всем, потому как он утратил способность мыслить адекватно! На минуту он закрыл глаза и пожелал, чтобы происходящее с ним оказалось продолжением сна, а когда он опять посмотрит на пол, пена исчезнет!..но этого не произошло.

Понадобилось значительное количество времени, прежде чем Рамсес привел ванну в порядок.

Он снял с себя халат и начал готовиться ко сну. Спать Рамсес решил голым, настолько зловонный запах врезался ему в память, а любая одежда могла послужить тому напоминанием. Он пошел по комнатам, чтобы погасить свет. В коридоре Рамсес бросил взгляд на входную дверь и на сооружение снизу. Усмехнувшись своему мнительному припадку, он не стал «усиливать» конструкцию, хотя, почему-то именно сейчас Рамсес отчетливо вспомнил лицо парня с синдромом Дауна.

Выключив свет, Рамсес лег в постель. Излюбленно укутавшись в одеяло, он с удовольствием смотрел на мерцание маленьких огоньков. Это продлилось недолго – Рамсес почувствовал, что засыпает.

В какую-то минуту он начал понимать, что видит сон и снится ему недостроенный дом, как в нем он бежит по лестнице, спеша наверх.

Но происходящее во сне переменялось одно другим и Рамсес оказался на плоской крыше, откуда раскрылся чарующий вид на белоснежные охапки облаков. Остановившись, он принялся их с любопытством осматривать, пока не заметил на краю здания знакомый силуэт парня с синдромом Дауна. Тот сидел так же – спиной к нему, но теперь его ноги свисали вниз.

Рамсес побежал к нему, по пути громко ругаясь (удивительным образом сам не понимая, о чем и на каком языке говорит).

Когда он остановился рядом с парнем, между ними, как уверовал Рамсес, завязался спор и Рамсес, что-то возмущенно поясняя, начал размахивать руками. Хотя, парень сидел молча, лишь обратив на него дружелюбный взгляд. Он продолжал злиться сверху, а «собеседник» внимательно смотрел снизу и улыбался. Когда Рамсес, наконец-то, замолчал, уже ничего не мешало обратить взгляды друг на друга. Парень с синдромом «Дауна», явно не понимая, что от него хотят, широко улыбнувшись, посмотрел в глаза Рамсеса, пытаясь хотя бы в них отыскать то, о чем только что ему говорил он.

В отличие от сердитого Рамсеса, на лице парня не было ни злости, ни каких-либо признаков тревоги. Напротив, угадывалось счастье в глазах – они были наделены какой-то магической волей, обладая которой можно всегда и в целом только радоваться.

Определенно, Рамсес никогда с такими, как этот парень, не встречался. Он не был красив и выглядел обычно, как и многие с синдромом Дауна. Но в нем определенно было то, что невозможно приобрести, постигая жизнь в социуме. Этот парень был наделен природным естеством. Вроде бы такие же, как и у других, глаза, но они изобиловали открытостью. В них невозможно было увидеть лукавство. Они не знали, что такое подозрительность, предубеждение, и еще много чего, чем мы наполняем взгляд в процессе жизни. Глаза у парня были просты и обворожительны, как сама природа. И еще – его взгляд сохранился, как у младенца. И это, подумал Рамсес, было даровано ему, как самому непорочному среди живущих на Земле.

Рамсес почему-то и зачем-то поверил его взгляду. Распознав в парне другого человека, он завел с ним простой разговор, в котором Рамсеса перестало волновать прежнее, а начало

интересовать иное и заговорил он на простом и понятном языке, в отличие от того, когда до этого ругался:

– Скажи, когда ты первый раз понял, что ты не такой, как мы?

– Когда я был маленьким, моей маме впервые сказал врач, что лучше меня сдать в детское специальное учреждение, потому что я не буду похож на людей.

– Почему же именно сдать?

– Врач говорил, я всегда буду ее мучить и никогда ничему не научусь, чтобы стать, как все.

– А мама?

– Она молчала.

– Согласилась?

– Когда я спросил у нее: я больше не смогу видеть тебя и папу? Мама заплакала.

– А ты?

Прежде чем ответить, собеседник помолчал.

– Я хочу, чтобы врач не говорил так никому.

– Ты говорил это врачу, когда вырос?

– Я постоянно говорю с ним, но он не отвечает мне. Возможно, потому, что я общаюсь с ним только во сне.

– А ты бы смог расстаться с мамой?

– Расставаться всегда тяжело.

– Мама любила тебя?

Этот вопрос снова заставил парня помолчать, прежде чем он ответил:

– Если что-то для тебя дорого и это родное, то расстаться завсегда тяжело.

– Почему ты здесь?

– Я люблю смотреть на солнце.

– Но на него невыносимо смотреть.

– Я смотрю на него через руки.

– Это как?

– В отличие от меня, ты можешь учиться, но ты так мало со многим знаком?

Рамсес задумался и подтвердил:

– Я, правда, не знаю, как смотреть на солнце.

– А я поворачиваю к солнцу ладони и после этого мы смотрим друг на друга.

– Солнце тоже смотрит на тебя?

– Сильнее, чем я. Я не могу взглядом так обласкивать теплом руки, когда смотрю на них со своей стороны, а солнце может.

– Но ты, как и я, не смотришь на солнце. Ты видишь только руки.

– Я вижу свет, а ты видишь только руки.

Рамсес взял время на размышление и молчал, а затем спросил:

– Зачем тебе это?

– Откуда свет, там и счастье.

Рамсес смотрел на парня, а он на него.

Парень застыл в ожидании. С появлением этого мгновения, Рамсесу показалось, что мысли у парня не были обращены к нему, и он лицезрит нечто большее, чем видит Рамсес в непосредственной близости.

В воздухе повеяло сильным холодом. Впервые в жизни Рамсес почувствовал близость смерти, только не мог сказать чьей. И уж точно он понимал, что смерть не пришла одна за двоими.

Рамсес подумал, что сейчас он станет свидетелем чьей-то смерти, и, в отличие от того, что он пережил накануне, она – теперь будет в действительности.

– Как тебя зовут? – спросил Рамсес у него перед чьей-то смертью.

– Мое имя знают те, кто меня крестил.

Рамсес удивился ответу:

– Ты часто бываешь скрытным?

– Всегда.

– Почему?

– После врача... – ответил он и отвернулся, не желая далее говорить.

Продолжать ожидать смерть они стали вдвоем. Рамсес сел рядом, на край, и тоже свесил ноги. Из-за холода, который становился все сильнее, он вплотную подвинулся к парню. Теперь, со спины они были похожи и одинаковы: одного роста, сходные размеры в плечах, и даже прически на первый взгляд у них, в общем-то, были подобны, чего ранее он не замечал...

Рамсес проснулся и сел на кровати. Тяжело вздохнув, он согнул руки, локтями уперся в колени, а ладонями обхватил голову, как в самолете, если бы тот совершал экстренную посадку с непредсказуемым результатом.

Окажись сейчас перед Рамсесом его Ангел-Хранитель, Он, надо полагать, обратился бы к Рамсесу, поясняя сон. Но, насколько известно, еще никогда, ни перед кем Они не появлялись. Кроме как – на картинах, в произведениях, да на устах во время богослужения в виде слов.

Но, если бы Ангел-Хранитель не был вымышленным персонажем, то у многих исчез бы страх перед неизвестностью в будущем, особенно, когда предстоящее явно видится мрачным, как сейчас у Рамсеса.

Тогда, что бы сказал Ангел-Хранитель и как бы успокаивал? Приободряюще, если смерть далека, Он похлопал бы по плечу, воспользовавшись единственным жестом человечества, когда слова неуместны? Или Он, зная, что смерть близка и она неизбежна, обнимая, пошел бы рядом и также дожидался бы смерти. Но не своей, а той, после которой Ангел-Хранитель навсегда останется подопечному другу – Единственным и Надежным, как неизменно на протяжении жизни, если человек сохраняет любовь к Богу и истинную веру в Него. Кто знает? Да и вряд ли среди живых кто-нибудь узнает, как ведут себя Те, кого называют Ангелом-Хранителем и Кто обладает нечеловеческой силой.

Рамсес устало поднялся с кровати и направился в коридор. Там, на стене висели часы и он решил посмотреть, который час. Хотя сделать это можно было и в спальне. Им двигало другое. Рамсес не верил (потому, как это было впервые), что он способен на строительство баррикады у входа в квартиру, даже с учетом реальной опасности. Ему казалось, что основательно подпертая входная дверь – это часть того, что снилось ночью, когда он лежал в ванне и в ней же заснул.

Увидев очевидное у двери в квартиру, Рамсес промолчал. Он даже не допустил ни единой мысли, лишь еще больше помрачнел. Повернувшись, Рамсес с тяжелым чувством поплелся обратно в спальню. Входя, он мизинцем нажал на выключатель. Загорелся свет и он опять сел на кровать.

Не помня, чего он тут хотел, Рамсес посмотрел на живописные жалюзи на окне. Желая отвлечься от действительности, он тупо уставился на рисунок.

Художественное произведение, созданное Альфонсом Муха, исполнением вбирало в себя все прекрасные сферы деятельности человека. Художник взял за основу орнаменты из растительного мира. Всю картину он исполнил в одном ключе и в гармонии с природой, а в центре произведения Альфонс Муха расположил выразительный силуэт девушки с божественными по красоте чертами лица.

Полотно столь хорошо отображало радость и печаль одновременно, что, задумавшийся по этому поводу, Рамсес весьма глубоко ушел в себя и отдалился от реальности...

Случайно заметив рядом с картиной на электронных часах, который час, он вздрогнул от испуга – ровно настолько явь показалась ему другой.

На часах было 13:00.

– Очуметь! – вырвалось у Рамсеса: он впервые проспал до обеда!

«Так, хватит!» – решительно заявил он.

Рамсес поднялся и начал сразу же надевать спортивный костюм, негодую из-за того, что второй день подряд, он никак не может контролировать происходящее с собой. В том числе и время, которого Рамсес старался (и мог себе позволить) придерживаться! Он стал злиться еще больше.

В попытках понять, Рамсес вопрошал, искренне желая, что вскоре все будет так, как и прежде – работа, планы, текущая жизнь.

– Какого черта происходит? Невиданные доселе сны! Нелепые покушения! – он еще больше задумался и в сердцах добавил: – И, как я вообще смог до этого дойти?!

Не имея особого выбора, как поступить дальше, Рамсес спешил в лес. Туда, с чего началась иная жизнь и отныне ему не ведано, в какой час неизвестный киллер снова «возьмет его судьбу в свои руки». И вместо того, чтобы дойти до скамейки, он решил пробежаться. Надеюсь, что хотя бы одежда будет располагать к более комфортному бегу, в случае повторного покушения... Конечно, если киллер снова «даст о себе знать банальной осечкой, а не просто тупо застрелит».

В лесу Рамсес хотел убедиться в неопровержимых фактах вчерашней стрельбы, а затем он планировал обратиться в полицию. Пусть не в прямом смысле – за помощью, но заявление взбодрило бы в Рамсесе надежду. Ну, а со временем, если они, и правда, поработали бы, он смог бы узнать, за что с ним так и как их всех зовут?

На шестой минуте бега по прохладной, хотя и солнечной погоде, с ожиданием неминуемой опасности, оттого в нервном состоянии, Рамсес изменился на лицо. Ушла припухлость после длительного сна, щеки покраснелись и это никак не вязалось ни с влажным и в целом бледноватым цветом кожи, ни с оздоровительной пробежкой. К тому же, дыхание: то учащалось при виде чего-либо подозрительного, то снова приходило в норму относительно темпа бега.

Завидев скамейку, Рамсес ускорился и, когда подбежал, остановился с ошарашенным видом: деревянных досок, что приходились на спинку скамьи, не было! Рамсес покрутился в надежде найти их поблизости или заметить еще что-либо подозрительное.

– Твою-то мать! – выругался он и вспомнил о двух пулях, что пришлось под скамейку. – Нет! Этого не может быть! Это какой-то сон! Я еще сплю! – прокричал Рамсес на весь лес, будучи потрясенным. Затем он истерично рассмеялся и сел на скамейку, у которой уже не стало спинки, а земля под ней была перерыта!

Внезапно истерика, выраженная в смехе, перетекла в другое состояние – он почувствовал тревогу, но в еще большей мере – острую и сильную, нежели до этого. Потому что впредь Рамсесу необходимо будет основательно думать – стало очевидно, что произошедшее с ним говорит именно о заказном характере покушений.

Осторожничая, он побежал прочь: не по тропинке, а в лесу, меняя направление, как только появлялась возможность!

Как и прежде, Рамсес с трудом верил в происходящее, но и отчетливо теперь понимал, что отныне, вынужденно, он будет прятаться и убегать.

Ему было двадцать пять. С недавних пор Рамсес работал в престижной московской компании в Романов переулке и, будучи довольно умным, неспроста надеялся на карьеру, где и

начальство недвусмысленно всячески поощряло стремления, как в знаниях, так и в продвижении по лестнице вверх.

Рамсес, помимо того, что он хороший Трейдер-аналитик, еще и славился божественным даром предчувствия в будущем.

Даже в самые, казалось бы, непредсказуемые моменты в сегодняшних торговых сессиях ему удавалось работать на положительный результат. И делал он это самым необыкновенным способом. Вначале Рамсес прогнозировал, где будет основание рыночного движения снизу вверх. Затем, там, он размещал ордер на покупку и наблюдал, как цены стремительно начинают прибавлять в росте! Хотя, обычно трейдер в ужасе следит за падением цены. И, как позже убеждались все, в следующий именно подходящий момент, Рамсес занимал вершину, которая оказывалась единственно выгодной позицией. А железная выдержка позволяла ему не паниковать до последнего момента. Тем самым, совершать минимум ошибок, из-за чего и зарабатывать по максимуму!

При этом Рамсес был компанейским, в особенности с коллегами по работе. Но, до той поры, пока не давался старт началу торговой сессии на бирже. Далее он приковывал внимание только к графикам на мониторах и уже не отвлекался. Особенно обострялась способность к работе, когда он начинал отслеживать передвигающуюся – от всевозможных слухов! – текущую динамику рынка.

– Да возьми же ты трубку! – выкрикнул Рамсес, когда отчаялся дозвониться до Алики.

С того момента, как Рамсес вбежал к себе в квартиру, то первым делом он схватил смартфон и вот уже в который раз пытался связаться с ней, но, как только начинался вызов, она не отвечала.

Рамсес отключил вызываемого абонента и отшвырнул смартфон на кресло. Сейчас ему было важно переговорить с ней. Он думал, что, если все настолько серьезно и киллер готов, даже извлекать пули из земли, посредством лопаты, то Алика, вполне могла послужить какой-нибудь «разменной монетой» в покушении на него.

«Как можно трепать нервы и себе и мне, – удивлялся он, – видя, что я звоню и настойчиво!»

Помимо звонков, как Рамсес ни напрягался, он ничего не мог придумать в дополнение к этому. Относительно ситуации вокруг него, теперь перед ним не разворачивалась ясная картина понимания того, что необходимо предпринимать и, как предугадать результат? В отличие от игры на бирже, тут он не понимал, как может повести себя тот, кто заказал его и, что станет делать исполнитель, который обязан реализовать заказ!

Подобная игра, где на кону жизнь, сильно отличалась от правил на бирже. В подобной игре убийства не было типичного вида графиков снаружи, скрытых мыслей игроков по миру, перевернутых слухов, пусть, хоть и туманных, но все же перспектив... В общем, в этом случае не было живого (главное наглядного) организма рынка, как на бирже.

Но в обеих играх было одно общее – среди многих лабиринтов возможного движения графика, верным станет только единственный ход, где всего лишь один непременно окажется игроком, а другой – лохом!

Стараясь быть собранным, отныне Рамсес решил все делать последовательно. Для начала не паниковать, затем принять душ и, наконец-то, встретиться с Аликой. Хотя, о чем с ней говорить, он пока еще не знал. Удивительная ее реакция на рассказ о Дауне заставляла Рамсеса искать подход к предстоящему объяснению, чтобы она хотя бы на этот раз поверила ему.

Раздеваясь, он представил, как начинает разговор с ней.

«Вчера стреляли, – Рамсес приторно улыбнулся, а чтобы закончить бредовую фразу, он стал размышлять завиральными предположениями. Вообще, к предстоящим беседам он, собственно, не любил готовиться заранее. Всякое общение (включая по работе и даже официаль-

ные на высоком уровне), его с кем бы то ни было, удачно складывалось по ходу встречи. В том числе и поэтому, в продолжение, он лишь отшутился: – Стреляли в меня. К счастью, промахнулись. И те пули, что не вошли в организм, были извлечены киллером из другого тела. Первую пулю он вытащил из спинки скамейки, выломав доски, а две другие пули выкопал из земли, перерыв там все».

– Идиота кусок! – Рамсес усмехнулся, высказывая адресуя, конечно, себе. – Кто подобному бреду способен поверить?

Не открывая занавесь на окнах во всей квартире, он направился в душ и по пути включил всю светодиодную подсветку интерьера в комнатах, в том числе и в ванной.

Неизменная неоновая атрибутика современной квартиры была предназначена для отдыха, нежели служила основным освещением комнат. Но настроиться на оптимальный режим релаксации, Рамсесу так и не удалось. Струя теплой воды под душем стала следующим этапом обычного продолжения расслаблений в подобной тихой приятной неоновой атмосфере. Но и это не особо ему помогало. На этот раз все было по-другому и, стоя под душем с мелким множеством водяных струй, Рамсес просто закрыл глаза.

– Алика, ну, как так?! – разозлился Рамсес и закатил глаза кверху. Он удерживал смартфон у уха и полотенцем вытирал мокрые после душа волосы, – ну, сколько можно!

Первым делом, выйдя из ванной комнаты, Рамсес продолжил набирать номер подруги. Как и прежде, она не отвечала.

По его мнению, молчание Алики могло быть как-то связано с покушением на него. Поэтому, когда он оделся во все чистое, облачившись в строгий черный костюм к белоснежной сорочке и накинув недлинное стильное пальто, словно во всем этом готовясь неожиданно помереть от руки киллера, то первым делом, он сразу же направился к ней.

С особой осторожностью Рамсес вышел из квартиры, сбежал по лестнице вниз и привычно, как в детстве, приоткрыл дверь подъезда. Не заметив ничего подозрительного, он вышел на улицу и семеняще-быстрым шагом направился к машине. По пути, поглядывая по сторонам.

Метрах в ста мелькнула чья-то фигура по направлению к углу дома, в котором проживал Рамсес. Он остановился, взглядом цепляясь за убегающего парня. Прежде, чем завернуть за угол, он тоже встал и посмотрел на Рамсеса. Их взгляды встретились. Это был тот парень с синдромом Дауна!

От такой неожиданной встречи Рамсес поначалу смутился и на секунду растерянно задумался. Ему хотелось того схватить, но он осознавал, насколько затея может оказаться опять опасной. Как это уже было, когда Рамсес повелся на уловку и побежал на крышу! Вместе с тем, ему было стыдно, что он боится. Как бы то ни было, Рамсес бросился вдогонку. Стоявший на углу парень тотчас скрылся за домом.

Рамсес несся изо всех сил. Добежав до угла дома, он остановился и осторожно выглянул – убежавшего нигде не было видно.

– Я прикончу урода! – свирепел Рамсес, но подметил не менее точно: – Если он не уложит меня первым.

Без промедлений, Рамсес наскоро вернулся к машине. Будучи нервным, он сел за руль и рванул с места к дому Алики.

Все же Рамсес не мог понять, зачем парню смотреть в глаза тому, кого собираешься убить? Ему же все равно перед выстрелом не удастся поговорить с объектом. К чему тогда это кокетство перед моей смертью?

Иначе, думал Рамсес, для чего парень, так явно и вот уже в который раз засвечивается передо мной? В конце концов, судя по всему, парень в большей мере хотел убить, нежели пого-

ворить. Правда, оставался еще один вариант, киллер-Даун – убийца с изюминкой. Кто знает, может его забавляют трудности исполнения заказа? Если нет, то, что им движет? Беспокойная потребность извиниться взглядом, потому как он мучается до момента преступления?

«Тогда получается, что киллер какой-то сентиментальный, – подумал Рамсес. – Но, если попробовать рассуждать серьезно, то, вероятно, – он улыбнулся, – парень явно болен! Допустим, заказы бросают этого киллера от одного объекта к другому, и, наверное, он ищет достойную себе жертву, чтобы насладиться убийством. Киллер не просто выполняет заказ, а играет. В этом случае истинная бесконечная страсть убивать, дополняется необходимостью оставаться незамеченным, где с математической точностью киллер обязан «раствориться» в пространстве, секрет которого – это невозможность для полиции собрать улики, тех, которых оказалось бы достаточно, чтобы они указывали на него».

Рамсес язвительно усмехнулся.

– Чего это я так хлопочу за урода, пытаюсь его понять? Из зависти, что не смогу, опередив, победить?!

Он поймал себя на мысли, что сам вовсе заигрался в предположениях. Слово с желанием понять киллера, к нему придет правильное решение. Как и всегда происходит с ним во время анализа ситуации на бирже. Но, пожалуй, сейчас ему не хватало, в отличие от рабочих моментов, победного чувства, которое способно разрушить планы любого! И это была не праздная жажда подобного ощущения – одержав верх, Рамсес, таки, сможет иметь далеко не мелкое удовольствие – не быть закопанным где-нибудь в лесу.

У дома Алики, Рамсес не обнаружил ее машины. К подъезду, где она проживала, подошла пожилая дама в шляпе с объемными пакетами покупок, Рамсес решил воспользоваться этим и спешно вышел из машины.

Когда дверь в подъезд закрывалась, он успел схватиться за край.

– Господи! Молодой человек, как вы меня напугали! – возмутилась дама писклявым голосом, но, увидев улыбающегося Рамсеса, перестала хмуриться.

– Извините. Ключи забыл, – сухо ответил он, желая пройти, но дама не посторонилась.

– А вы, – продолжила говорить она, не двигаясь с места и сменив сердитый тон на любезный, – к Алике?

Рамсес искренне удивился.

– Я соседка ее по лестничной площадке, – пояснила она.

Понимая, что дама просто так, не удовлетворив любопытства, не отпустит, он предложил:

– Давайте, я Вам помогу с пакетами.

Не дожидаясь согласия, Рамсес любезно взял у дамы ношу и они, наконец-то, отправились к лифту.

– А Вы поменяли цвет авто? – спросила она с задором. Любопытствуя, дама явно желала навязать, ненужное Рамсесу, общение.

– С чего это? – испытывая внутренний сарказм по отношению к ней, спросил Рамсес и старался выглядеть любезным, насколько это возможно по отношению к любопытной соседке. Но ему это не удалось.

Она, высокомерно улыбнулась, оценивающе посмотрела в глаза возлюбленному Алики.

– Ну, как же, – заговорила дама с нотками обиды в голосе: ведь парень не отнесся должным образом к ее словам и поэтому она предприняла вторую попытку разговорить его. – Вы всегда подвозили подругу на черной БеэМВе седьмой модели, а вчера такая же марка, но белая привезла ее домой. Надеюсь, это Вы и подвозили? – многозначительным вопросом закончила мысль она и погрузилась в самодовольство, потому что удачно отыгралась еще и за сарказм, допущенный им в ее адрес.

Рамсес сменился в лице.

Со свойственной пытливостью, которая присутствует у любопытных людей, дама приметилла смену настроения у собеседника и осталась еще более довольной.

Они вошли в лифт.

– Вам какой? – спросил Рамсес, обдумывая услышанное, как тут же спохватился: – Ах, да! Извините.

Он нажал кнопку их этажа и повернулся лицом к выходу и спиной к ней.

– Вероятно, я ошибаюсь и это был Ваш знакомый, – предполагала дама, но подобным, чудным образом ненароком выспрашивая о деталях и играя на нервах!

Главным же образом, дама, стоя за спиной Рамсеса, в удовольствие себе продолжила портить ему настроение. Теперь она отыгрывалась за то неслыханное оскорбление, которое допустил «мальчишка», обратившись к ней спиной и со всей очевидностью, не желая разговаривать!

Кроме того, что Рамсес понял, в каких отношениях пребывает дама с молодой соседкой, предполагать, кто подвозил Алику, ему просто не хотелось. Точнее, он боялся, что вчерашний эпизод с ней окажется продолжением цепочки событий, которые его преследуют. И тогда, машина вполне может принадлежать киллеру.

– Да. Я попросил соседа, – солгав, ответил Рамсес – он не хотел ничего обсуждать со злобной соседкой Алики... как тут же, зачем-то, соврал во второй раз: – Вчера я не смог забрать машину из сервиса.

– А сегодня Вам это удалось? – упорствовала дама в общении, чувствуя, (да что уж там) зная, что это вранье!

Рамсес решил отвечать не многословно:

– Да.

– А теперь, наверное, сломалась машина друга. Мне кажется, она по-прежнему стоит там, внизу. И Вы приехали за соседом, который сейчас, скорее всего, ожидает Вас у Алики, чтобы затем Вы смогли отбуксировать его машину и тоже в тот же автосервис, – сказала она, ожидая его реакции.

Рамсеса словно окатили холодной водой. Из-за приступа ревности он моментально напрягся, но тотчас предположение об измене растворилось, испарилось и окончательно исчезло, когда он подумал, что «сосед» не обязательно должен быть любовником Алики. Оставаясь до обеда у нее, он может оказаться киллером и сейчас в квартире ожидать прихода Рамсеса.

Дама не дождалась ответа, но она решила продолжать разговор, находя это уместным:

– Вы, молодой человек, безумно меня перепугали у подъезда и поэтому Вы извините меня за тон.

Рамсес не ответил. Он, поражаясь женщине, закатил глаза. Покрывив краешком рта, Рамсес еле заметно покачал головой.

Выйдя из лифта, они попрощались. Дама забрала пакеты и многозначительно пожелала Рамсесу хорошего дня.

На звонок в дверь, Алика, как и по телефону, никак не реагировала. Если вообще она была в квартире, а то и, возможно, насильно ее удерживали внутри.

Продолжая названивать в квартиру подруги, Рамсес с ненасытной жадностью желал разобратсья хотя бы с этим «его соседом», подвозившим Алику. Все же до конца не зная, с чем он столкнется за дверью, чувства Рамсеса менялись с молниеносной скоростью. Он, то был полон ревности, то представлял, что ее связали в квартире из-за каких-то планов по отношению к нему... И это только подталкивало Рамсеса к тому, чтобы разнести эту чертову дверь на мелкие кусочки! Но она была прочной, скорее всего, из металла. Да и он не был готов к безумству, в стремлениях навести разборки с любимой, тем более, из-за ревности.

У Рамсеса никогда не было повода так думать. Но, благодаря (предположительно) измене, сейчас он испытывал силу пробуждения чувств любви и агонию преданности, как первых двух признаков величайшего торжества власти над избранной, которая всегда обязана быть единственно твоей среди массы других!!!

После того, что ему пришлось пережить за сутки, доведенный до отчаяния еще и этой ситуацией, уже не понимая, что ожидает его в квартире Алики – страдания или ужас убийства, он повернулся лицом к противоположной двери на лестничной площадке. Вид у Рамсеса был свирепым и вызывал настороженность. Понимая, что все это время дама подглядывает за ним в глазок, Рамсес решительно перешел к двери соседки и пальцем вкратце нажал на звонок. За дверью сработала приятная мелодия, приглушаемая входной дверью. Дама не спешила открывать, и ему пришлось снова надавить на звонок. За дверью все повторилось, включая нулевую реакцию хозяйки.

Терпению Рамсеса пришел конец!

– Ну, Вы-то уж точно в квартире! – сорвался он, не переходя на крик, но ладонью ударил о дверь. – Хотя бы Вы не испытывайте мое терпение и откройте!

– Молодой человек, – послышался лебезящий писклявый голос дамы, – я все понимаю...

– Вы не можете ничего понимать, – проговорил сквозь зубы Рамсес, прервав ее. Этим, он сдержал желание закричать, чтобы не привлекать внимание жильцов, но нагнал жути мало-симпатичной собеседнице, желая-таки добиться своего! «Выпустив пар», Рамсес поменял тон и, держа себя в руках, он произнес интонацией сглаживающей его истинное отношение к ней: – Ровным счетом Вы ничего не понимаете. Я хотел бы поблагодарить Вас и попросить еще кое о чем.

Вместе с тем, Рамсес, еле заметно, но достаточно, чтобы поняла дама, смотревшая в глазок, кивнул в сторону Алики.

Замки клацнули и она открыла дверь, но для начала, не сняв цепочку. В появившемся просвете дама нехотя полупшепотом полюбопытствовала:

– Что Вы еще придумали?

– Вы бы не могли, – Рамсес говорил полупшепотом, – указать мне на ту машину прямо сейчас из окон?

Дама посмотрела укоризненно, всем видом показывая, что знала – не о чем таком Рамсес не просил якобы соседа. Теперь же высокомерно сочувствуя, она сжалилась и открыла дверь с надменным видом.

– Понимаю. Пройдемте.

Они подошли к окну на кухне и дама сразу же указала, где стоит машина.

К сожалению, для Рамсеса, он никак не мог разобрать номер: было достаточно высоко и весьма хреново видно саму машину, которая стояла под плохим углом обзора.

Все же, испытывая ревность, нежели волнуясь за подругу, Рамсес, не сказав ни слова, поспешил из кухни.

Хозяйка квартиры засемила следом.

– Молодой человек, она не стоит того, – прокомментировала дама, будто бы точно зная, что собирается делать Рамсес и чего стоит Алика.

Он и не думал покидать квартиру, а, выйдя из кухни, направился в зал. Пройдя его, он открыл балконную дверь.

Дама обомлела и остановилась с растерянным видом.

Выйдя из зала, Рамсес оказался на лоджии, которая, ему на радость, не была застеклена, соседствуя с квартирой Алики.

– У Вас есть зеркало? – не оборачиваясь, спросил Рамсес у подоспевшей хозяйки.

– В спальне, – сказала дама и спохватилась: – но, туда я Вас не пущу!

Рамсес невольно хмыкнул, но, когда обернулся к ней, выражение лица было серьезным.

– Принесите, пожалуйста, – обратился он и добавил уж совсем волшебное для нее: – Надо подсмотреть.

Дама так обмерла и настолько сильно задумалась, о том, что это – «подсмотреть» было так рядом, да все годы проходило мимо... Что Рамсес невольно озвучил, безусловно пришедшую на ум даме, мысль:

– Понимаю. Только что я открыл Вам весьма любопытную деталь досуга. Но, пожалуйста, принесите поскорей зеркало.

На что хозяйка не ответила и, лишь немного сердясь, тут же удалилась.

Дама не заставила себя ждать: принесла круглое достаточно большое двустороннее зеркало, где одно из отражений служило увеличением. Благодаря чему, она в деталях могла рассматривать самодовольство, которое непременно всегда присутствовало у нее на лице.

На вытянутой руке Рамсес удерживал зеркало, в котором пытался разглядеть комнату. В отличие от соседствующей дамы, Алика установила пластиковые окна на лоджии. Благодаря этому, она объединила небольшое пространство с залом и расположила тут зимний сад. У Алики окна были зашторены, но из-за растений (у перегородки двух лоджий) ни тюль, ни сама штора, как и обычно, не прилегали плотно, а лишь касались листьев.

– Ну, как? – нетерпеливой соучастницей, довольно громко, полюбопытствовала дама.

От такой неожиданности, находясь в напряженном состоянии, Рамсес дрогнул и чуть не выронил зеркало.

– Простите, юноша, что сказала под руку. Но все ж Вы с зеркальцем будьте поосторожней. «Оно мне еще пригодится, – добавил он вместо нее»

Рамсесу впору было расхохотаться от такой дамы колоритной буквально во всем, если бы иное не было намерением. Он бросил попытки хоть что-то разглядеть и повернулся к хозяйке:

– Ничего и никого.

Видя разочарование на лице у дамы, ему было непонятно, толи она расстроена, что не будет продолжения событий, толи она не доверяет двум словам.

Он решил, что ему необходимо конкретизировать сказанное и таким родным для дамы образом, с ней подружиться, чтобы в дальнейшем воспользоваться ее любопытством.

– Ничего нового, интересного, в комнате нет, и там я не увидел и не обнаружил никого. Правда.

– Может они притаились? – вполне серьезно предположила дама, задумавшись и насупив брови.

– Возможно, – согласился он. Ему становилось тяжело, чтобы не рассмеяться, но и тут он сдержался и с серьезным видом протянул руку для знакомства. – Рамсес.

Дама подрастерлась – ей явно пришлось менять ход мыслей, в которых она пыталась представить, что происходит там, за стеной.

– Людмила. Но для многих я здесь просто Люся. Вы можете обращаться ко мне так же. Когда я слышу имя Люся, то я вспоминаю молодость и...

– Люся, – перебивая, все с тем же серьезным видом, обратился Рамсес, предполагая, что ее речь затянется, – может так статься, что, если Алика сейчас в квартире, то она будет меня избегать. Если Вам не будет так трудно, пожалуйста, дайте мне знать, – он протянул визитку, – позвоните, пожалуйста, когда увидите соседку.

Люся, забрав визитную карту, приложила правую руку к сердцу, на секунду закрыла глаза, отрицательно покачала головой и, подняв веки, наконец-то, заговорила на манер при-сяги-верности:

– Рамсес, не переживайте, я могу Вас заверить. Я все понимаю, – в то же время, Рамсес взял Люсю за локоть и они направились к выходу. – Если я вдруг что-то увижу, то непременно скажу Вам. И не убивайтесь Вы так сильно, я знаю, о чем говорю. Я столько уже повидала разных историй, что есть масса примеров...

– Люся, спасибо Вам, – мило поблагодарил Рамсес, уже привычно перебивая рассказчицу, когда они подошли к входной двери квартиры.

– И то, правда. Вы уже взрослый человек и сами разберетесь. Мне же главное – вовремя сообщать, – стараясь, чтобы Рамсес проникся словами, Люся продолжила намекать, при этом выражение лица выглядело хитро. – А то, ведь, можно и припоздниться, да и вообще оставаться в вечном неведении. А она и далее будет позволять себе, как вчера утром, да на глазах у многих! – она покачала головой. – А вот же, как бывает. Теперь ей предстоит плясать перед Вами, как вчера утром это делали Вы. Столько попыток Вами было предпринято, чтобы примериться с ней, это ж, как, а?!

«Н-да? – подумал Рамсес о Люсиной неисправимости, но больше его заинтересовало иное в ее словах».

– Алику, – обратился он и внутренне напрягся, – до вчерашнего вечера, кроме меня и белой машины, никто более не подвозил?

– Нет-нет! Что Вы! Я Вас уверяю! Можете и не переживать, – упражнялась Люся в науке жизнь: она искренне полагала, что словами обязательно вселит в Рамсеса уверенность о полной непорочности Алики, как до этой ночи, так и после. Уже зная наперед, что Алика точно провела ночь непременно с каким-то парнем, а не просто с подружкой, у которой вполне может быть БезМВе седьмой модели, она добавила: – Я бы заметила!

«Кто бы сомневался, – подтвердил он и (если честно) тому порадовался, но (предпочтительно) решил не говорить о чем-либо, чтобы не затянуть расставание с Люсей»

Когда Рамсес вышел из квартиры, а Люся закрыла за ним дверь, он не сразу направился к лифту – позвонил Алике и параллельно набрал ее номер телефона: ни на один вызов она так и не ответила.

Опускаясь вниз на лифте, Рамсес вспомнил Люсино выражение: «Вы взрослый человек и сами разберетесь», которое, к его сожалению, не отображало того, как поступать дальше, а главное с чего начать? Ситуация с подружкой и обстоятельства в целом потихоньку сводили с ума. Он понимал, что еще немного подобных ребусов, и ему можно впасть в депрессию с нотками невозвратного отчаяния, после чего ему откроется перспектива полной беззаботности и прямая дорога в сумасшедший дом. Но не из-за безысходности, а оттого, что он бессилен и, оказывается, совершенно не готов что-либо предпринимать, когда неоткуда почерпнуть информацию, а вокруг сплошь обрушиваются загадки.

Рамсес понял, насколько он слаб, несмотря на образованность и весомую успешность в социуме. Он резонно подумал, что доля безысходности в отчаянии часто присутствует, и с ней нужно считаться и даже в первую очередь. Рамсес представил, как сейчас откроется дверь лифта, напротив будет стоять киллер-«Даун», а в руке пистолет с глушителем. И убийца, радуясь, откроет прицельный огонь ему в грудь с последующим контрольным выстрелом в голову.

«Надо было спускаться по лестнице, – обреченно проговорил он»

Изрядно напуган, Рамсес напрягся, когда двери лифта начали открываться: на его радость (или человека, который стоял бы на площадке первого этажа по случаю), лифт никто не поджидал.

Выйдя, он заметил, как мелькнула в дверях подъезда белая куртка, похожая на ту, что носила Алика.

Он моментально побежал следом и руками с грохотом угодил в закрытую дверь, с обратной стороны чем-то подпертую. Из всех сил Рамсес плечом обрушился на, проклинаемую им, дверь: она была первой, за которой следовала еще одна и только потом можно было, наконец-то, выйти на улицу. После нескольких ударов, в плече сильно заныло. Рамсес вспомнил о вчерашнем падении на эту же часть тела и оставил попытки. Морщившись от боли, рукой он помассировал плечо.

Дверь открылась и на пороге остановился пожилой мужчина в пуховике с меховым капюшоном. В руке он держал швабру.

– Ну, молодой человек, сколько раз просить, не трогайте вы эту поломойку, – обратился он ко всем в лице Рамсеса, – потому что...

Не дослушав, Рамсес рванул с места, а мужчина еле успел увернуться – настолько быстро он пронесся мимо него и выскочил на улицу.

В этот момент белая БеэМВе повернула за угол дома.

– С-с-с... – собираясь мыслями, Рамсес, чтобы не ограничиться одним высказыванием, хотел что-то предпринять, но только и смог, что от негодования возмущенно помотать головой, с силой хлопнуть ладонями себе по животу, да добавить: – С-сука!

«Это ты сейчас о ней? – задал вопрос Рамсес сам себе, вконец, будучи раздражен сплошными непонятками. – Или, это на ситуацию?»

– Определенно, – устало признался он вслух, – я начал с кем-то разговаривать, – и констатировал: – Это означает, что я, действительно, скоро сойду с ума...

Немного прейдя в себя, но с опозданием, Рамсес бросился к машине в надежде, что догонит их. А когда подбежал, он решил не делать этой глупости: погоня реально закончится, как только он выедет со двора на проспект в поисках какой-то одной белой БеэМВе среди всех остальных такого же цвета и той же модели.

Он вспомнил о даме и посмотрел на ее окна. Увидев Люсю, от волнения, что, наконец-то, ему удастся переговорить со свидетелем, из груди чуть не выпрыгнуло сердце. Из кармана Рамсес вытащил смартфон и указательным пальцем стал тыкать на кнопки, показывая ей, чтобы она ему позвонила. Не сразу, но Люся сообразила и указала жестом, что «мол, сейчас» и скрылась. Какое-то время ее не было, Рамсес начал думать, что она спускается вниз: настолько любопытство у нее было готово ко всему и, в частности, к этому.

Все же дама снова показалась в окне, удерживая телефонную трубку у уха. В этот момент у Рамсеса зазвонил смартфон и он тут же ответил:

– Кто это был? – протараторил он, совершенно не сдерживая радость. – Кто сел в эту чертову, белую машину?

– Рамсес, ты сейчас с кем разговариваешь? – в трубке раздался голос друга Богдана, который после вопроса расхохотался. – Какие черти и белые машины? А если и так, то техника должна быть черной! У тебя там что? Ты снимаешь пробу с героина?!

– Богданчик, слушай... м-м... пока не до тебя, – сумбурно заговорил и неожиданно закончил Рамсес.

– Понял, – без особой навязчивости ответил друг, иронизируя. – Не буду ломать тебе кайф. Как очухаешься, звони.

– Да-да, Богдан, конечно, – поспешил заверить Рамсес.

Он нервно отключил смартфон и снова посмотрел на окно. Люся держала трубку у уха и пальцем указывала в сторону Рамсеса.

Опять зазвонил смартфон и Рамсес теперь посмотрел на номер звонящего, но тот не определился.

– Да, – настороженно ответил он.

– Это звоню я, – сказала Люся вкрадчивым голосом.

Произошедшая заминка в разговоре с Богданом, немного охладила Рамсеса, что позволило ему заговорить менее эмоционально:

– Вы видели, кто сел в белую машину и сколько их было?

Последовала пауза.

– Алло, вы меня слышите?

– Да-да, – подтвердила она и только.

Рамсеса это насторожило и он уточнил:

– Алика, была не с одним, а с несколькими?

Рамсес не сразу сообразил, что подобный вопрос можно легко отнести к сексуальным партнерам. Он же, спрашивая, подразумевал то, что Алику из подъезда могли вывести насильно и взять с собой, в качестве заложницы. А похитителей могло оказаться, допустим, двое.

– Я имею в виду, что с ней могла быть подруга с парнем, – сделал Рамсес попытку выйти из ситуации, но понял, что и это выглядит, как «намек на групповой секс с подругой и парнем».

Люся продолжала молчать. Она казалась озадаченной. Рамсес только усугубил Люсино мнение об Алике и «возможностях» той в сексуальном плане.

Понимая, что без конкретного пояснения о похищении подруги можно зайти только в тупик, но, категорично не желая говорить с Люсей о похитителях, Рамсес спокойным тоном без намеков просто переспросил:

– Так Вы видели, кто сел в машину или нет?

– Рамсес, – начала Люся вновь вкрадчиво, – дело в том, что, когда Вы ушли из моей квартиры, я не смогла, ну, сразу что ли, – подбирала она слова, – отойти от двери. Вы же начали звонить Алике и я подумала...

«Что стану свидетелем веселых разборок, – уже привычно закончил он вместо нее»

– Ну, в общем, Вы уехали на лифте, а я еще какое-то время наблюдала за дверью Алики и...ну...с балкона, но очень коротко, я пыталась разглядеть, что там происходит в квартире... Вы же сами попросили меня позвонить, вот я и подумала, что, если они, – Люся осеклась и решила сказать по-другому. – Если она забегает в квартиру или выйдет из нее после того, как Вы ушли, то я бы Вам сразу же позвонила, пока Вы не отошли далеко от подъезда. Это все исключительно потому, что Вы меня просили об этом! – торжественно, наконец-то, закончила она.

– Так Вы видели, кто сел в белую машину? – снова переспросил Рамсес, уже отчаявшись получить прямой ответ.

– Ой, нет! Я же, когда подошла к окну на кухне, эта БеэМВе уже отъезжала с места. Но это была та семерка, которая простояла здесь всю ночь. А потом выбежали Вы и больше я не видела никого.

Уныло, с подавленным настроением Рамсес смотрел на Люсю и не верил, что даже она не смогла стать свидетелем того, к чему непосредственно он никак не может прикоснуться. До этого, отдав визитку, Рамсес надеялся, что от ее взора никто не способен уйти, но жизнь, как и всегда, оказалась прозорливей.

Теперь молчала и Люся. Она удивленно разводила руками и так же стояла уныло с телефоном в руке, как и Рамсес.

– Собственно, – решила продолжить Люся, – я подумала, раз Вы в возбужденном состоянии выскочили, значит, Алика отправилась на лифте к себе в квартиру, а Вы побежали за ним. Или я не права и она тоже уехала с любовником? – изумилась соседка.

«Господи, эта дама способна свести с ума кого угодно», – отметил Рамсес.

– Нет, – сухо сказал он, – никого я не встретил.

– Рамсесик, Вы не отчаивайтесь. Как только я что-то узнаю, то сразу же наберу Ваш номер телефона!

«Хоть это, – поверил он в появившуюся надежду»

– Спасибо Вам, Люся.

– Да, нет еще пока за что.

После разговора, Рамсес понабирал номер подруги, но она, как и прежде, не отвечала.

Он сел в машину и перезвонил другу.

– Что, некачественный? – первым делом спросил Богдан, пребывая в хорошем расположении духа.

– Что, некачественный? – переспросил Рамсес, устало потирая лоб.
– Герыч! Раз тебя так быстро отпустило.
– Ой, Богдан, перестань. Не до того.
– Тогда давай, подъезжай до другого. Один клиент, за то, что я дал ему ценный совет по бумажным портфелям, помимо прочего, еще и коньяк мне определил – хороший, оч. хороший. Рамсес неопределенно хмыкнул.
– А сколько это в цифрах «помимо прочего»?
– Ну, хоть туда или сюда округляй – все одно будет мнооого.
– Поздравляю, – вяло ответил Рамсес.
– Слушай, что с тобой происходит? Ты, то, словно бешеный, гоняешься за какой-то машиной, то писи-мистифицируешь?.. Чего твориться-то? Ты, правда, под кайфом, что ли? Вроде раньше, не замечал за тобой?

Рамсес, наконец-то, улыбнулся и ответил вопросом:

– Все сказал?
– Нет! Подтягивайся, пробу-с с коньячку-с надобно бы снять, а-н не с кем-с, с-сука! Кстати, поэтому и звонил-то я тебе несколькими минутами ранее!
– Ты один?
– Понял! Пока едешь – организую!
– Нет, никого не надо, – Рамсес снова занервничал. – Богдан, я вообще не по этому поводу тебе звоню и... – он вовсе запутался и добавил кратко: – Короче, я сейчас подъеду.
– Давай, – удивляясь настроению друга, тихо сказал Богдан.

Не откладывая, Рамсес поехал к единственно надежному другу.

Приятелей, которые называли Рамсеса другом, хватало. В том числе, и он водил с ними дружбу. Но вот в ком Рамсес мог быть уверен и при любых обстоятельствах, непременно оставался Богдан. И тому, уже было масса подтверждений – больших и маленьких бед, где он вел себя так, как и подобает другу. Они познакомились, когда еще были школьниками. Получая среднее образование в разных московских учебных заведениях, они встретились в финале по шахматам на первенстве Москвы, где победу над Богданом тогда одержал Рамсес. С тех пор они и начали дружить.

7. Богдан

Ты никто и ничто, если рядом нет того, за кого стоит умереть.

Родители назвали так сына потому, что – это модно, современно и, где-то, в чем-то даже статусно. К тому же, они прочитали, что обладатель такого имени, в том числе, наделен подвижным умом, будет достаточно изворотлив, а это в нынешних условиях дает возможность живого присутствия второго «я» – непременно скрытого от людских глаз, но весьма важного обладателю сего, чтобы не погибнуть в обществе.

В чем родители Богдана уловили основной смысл предназначения второго «я», так это – прекрасное приспособление к самым различным ситуациям. Что, на их взгляд, было довольно-таки неплохим качеством в весьма сложном современном мире.

В отличие от Рамсеса, Богдан провел детство и отрочество в административно-финансовой семье. Глава дома, наполовину скрытый и в большей мере угрюмый, более всего был мрачным, да еще и клерком, который занимал довольно «увесистые» должности во власти, стремительно меняя ступени, а затем и пролеты карьерной лестницы. Так, в настоящее время, он работал в команде президента страны. Мама же у Богдана, всю жизнь разделяя участь жен, чьи мужья твердо стоят во главе семейства, была к тому же наделена женской мудростью и умом, что позволило ей стать доктором экономических наук и успешно в последние годы возглавлять банк! К слову, ее новое элитарное назначение произошло сразу, как муж перераспределился в Кремле.

Помимо того, что Богдан всегда жил безбедно, он никогда не был обделен вниманием, как со стороны родителей, так и их друзей. Кто всенепременно с должным почтением относится к таким семьям – так, как и подобает к высоко «Богом поставленным» людям (именно этой фразой и лебезили вокруг родителей Богдана).

Ребенок у столь приподнято-возвышенной супружеской четы был один. Поначалу, как поженились, они посчитали, что обязаны родить такое количество детей, скольким смогут дать все необходимое для достойной жизни. Но, когда эту теорию можно было применить ко второму ребенку, а затем и еще к нескольким тысяч детей, то время было упущено. И, как посчитала семейная пара, они уже не в том возрасте, чтобы заводить хотя бы еще одного ребенка. Так и появились в семье две кошки и три собаки. Ровно столько родители Богдана могли себе позволить, чтобы животные не нуждались ни в чем, включая, специально взятую на работу няню, обученную для домашних питомцев.

К тому времени, что пришлось на питомцев, Богдан уже был подростком и его мало интересовали собаки, да кошки. Лишь поначалу Богдан немного, в свойственной возрасту манере, поволновался, что теперь родители могут и обделять его своим вниманием. Но этого не произошло. Включая и то, что постоянные гости в доме, как приходили каждый раз с подарками для единственного в семье дитя, так и продолжали это делать. А то, что гости дополнительно таскали собакам и кошкам, ему это, конечно, не нравилось и, стало быть, предмет ревности у Богдана сошел на, нет.

То, как себя начала чувствовать ново-домашняя живность, не особо отличалось от вседозволенности Богдана в детстве. Еще задолго до того, как появились кошки и собаки в доме, Богдан, в силу того, что был ребенком, мог позволить себе многое. Допустим, он так же (как теперь кошки и собаки) мог не покидать отцовский кабинет и оставаться вместе с папой, когда там присутствовали заинтересованные в каких-либо переговорах люди, где шло обсуждение вопросов подолгу и безвылазно. Последнее, к слову, никак не распространялось на сына: он покидал кабинет, когда ему становилось скучно или собравшиеся больно серьезно (так каза-

лось Богдану) начинали говорить о финансах. Тогда он приходил к маме и жаловался, что она не так сердито говорит о деньгах, как это делает папа, с детской непосредственностью думая, что родители занимаются одним и тем же – лишь финансами. И это было резонно – отличий в разговорах папы с коллегами и в общении мамы с подчиненными, Богдан не видел.

Вся домашняя атмосфера благоволила тому, чтобы Богдан шагнул вслед за родителями и, наконец-то, сам занялся вопросами денег. Так и случилось. За исключением – как считали родители Богдана – маленького демарша у отпрыска, который мог себе это позволить. Дело в том, что, пока родители оставались при должностях, Богдан мог и дальше демонстрировать свою самостоятельность в финансовом плане, и не менее, как состоявшаяся личность. Ровно настолько Богдан думал, что он независим. И при всей широте того спектра, что открывалась перед ним после учебы в престижном университете Нью-Йорка, Богдан предпочел направление – трейдинг. Получив достойное образование, он не стал спешить с трудоустройством. Он (все в том же городе) выбрал компанию, где подготавливают и обучают трейдеров с уже университетским дипломом. По окончании и этой учебы, да с полностью оплаченными увесистыми американскими счетами, конечно, со стороны родителей, Богдан благополучно вернулся в Россию и, естественно, только в Москву.

После того, как родители (лишь) порекомендовали Богдану (чтобы никоим образом не задеть его независимость) успешную российскую инвестиционную компанию, он с удовольствием воспользовался предложением, да самостоятельно отправился устраиваться туда на работу. И – о, чудо! – прошел-таки собеседование, став сотрудником компании, в которой давно уже работал его друг Рамсес.

Потом Богдан еще долго хвастался перед Рамсесом, когда они хорошо выпивали, что он сам без протеза, как и Рамсес, благодаря знаниям, смог заполучить в престижной компании место, куда претендуют многие по окончании, цитата: «своих учеб в каких-то там университетах».

Перед тем, как въехать во двор к Богдану, Рамсес повернул с проспекта в переулок с односторонним движением. Тут он остановился у тротуара и пропустил три машины, которые тоже последовали вслед за ним с главной улицы. Когда они скрылись за углом, Рамсес постоял еще какое-то время. Не глуша двигатель, он наблюдал в зеркало заднего вида, но больше никто с проспекта сюда не завернул.

Быстро справляясь с рулевым колесом, Рамсес развернулся и направился к проспекту, нарушив знак с односторонним движением. К счастью, он не встретил машин и уже через пару минут, наконец-то, въехал во двор, где проживал его друг.

В воскресный день машин тут было немного, поэтому Рамсес удачно припарковался. Он осмотрелся внимательней и обнаружил, что здесь нет ни души. Только после этого он выключил двигатель, но все же продолжал скрываться за тонировкой в салоне. Кроме, возможно, пары бездомных собак, которые могли его видеть – они лежали на крыше домика на курьих ногах для детей и прямо напротив лобового стекла его машины.

Рамсес не покидал салон и приглядывал за аркой, где находился въездом во двор, будучи сам наготове ко всему экстремальному. Как и ранее, его никто не преследовал, да и во дворе так никто и не появлялся. Из всего, что перемещалось здесь – были листья. Некоторые из них еще трепыхались на деревьях, но теперь ветру не нужно было прилагать усилий, чтобы отправить их в последний путь, после чего они, наконец-то, станут приземленными. Вынужденным одиночеством из-за своей стойкости, листья, повисев до сего дня, по одному отрывались от веток и начинали на прощанье живописно кружить, всецело наслаждаясь коротким, но истинно свободным и индивидуальным полетом.

– Точно, это уже паранойя, – на выдохе, устало произнес Рамсес и добавил, как бы уточняя, только что поставленный себе, диагноз: – У меня начался системный, назойливый бред.

Он вышел из машины и отправился к подъезду, а по пути набрал телефонный номер Богдана. Между ними, для удобства, было принято – не звонить по домофону. Бывало так, что никому, кроме друга, не хотелось открывать дверь, соответственно, никто из них не подходил к домофонной трубке.

– Добрался? – первым делом спросил, веселясь, Богдан.

– Открывай, – ответил Рамсес, не реагируя на вопрос и настроение друга.

Подъезд был довольно уютным, несмотря на послевоенную постройку в центре города. К тому же по осени, как нельзя кстати, в нем было тепло.

На четвертый этаж Рамсес решил подняться по лестнице. Там находилась квартира Богдана, доставшаяся ему по наследству от бабушки. Поднимаясь, на лестничных площадках он обнаружил цветы, аккуратно рассаженные в специальных горшках, которых ранее не видел, поскольку всегда пользовался лифтом.

Наверху что-то упало. Рамсес осекся и замер в ожидании.

«Какого черта, я делаю? – спросил он, не помня себя таким подозрительным. – Или все же мне сейчас прострелят голову в этом подъезде?..»

– Чего встал? – раздался голос Богдана сверху, отчего Рамсес вздрогнул. – Это ты, там, шагаешь по кривым «проспектам»? – уточнился он.

– Да я, я, – ответил Рамсес и с облегчением на сердце поспешил к другу, теперь точно понимая, что дойдет и без неожиданных сюрпризов.

– Я знаю, что ты, – продолжал радостно говорить Богдан. – Лифт молчит, лишь кто-то шоркает подошвами о ступеньки, но идет без отдышки!

– Слышь, заткнись, а?! – сказал Рамсес, приветливо улыбаясь, когда увидел друга.

Тот, как и обычно, выглядел прекрасно и пребывал в хорошем расположении духа, а регулярный загар в солярии, по-прежнему предавал телевизионно-классическим чертам лица большую выразительность.

Сойдясь, они пожали руки и обнялись, похлопав друг друга по спине.

– Проходи! – скомандовал Богдан и пропустил Рамсеса вперед.

В коридоре Богдан молчал до тех пор, пока Рамсес снимал пальто и определял лакированную черную обувь на отведенную для этого полку.

– Рамсес, чего-то я не припомню тебя таким, – говоря, Богдан старался интонацией развеселить друга.

– Принесешь кофе? – спросил Рамсес, когда, несмотря на усталость, совладал с обувью и верхней одеждой.

– Вам в постель и заказать девушку? – съерничал Богдан.

– Дурик.

– Понял. Кофе сейчас, девушки поз-з-же и иди я, куда захочу, – с этими словами он отправился на кухню.

Рамсес пошел следом и занял излюбленное место, – на высоком мини-кресле за стойкой бара, которая отделяла кухню от зала.

Богдан включил музыку, спрашивая:

– Может это поднимет тебе настроение?

На предложение Рамсес никак не отреагировал. Он начал с того, ради чего приехал:

– Перестанешь мельтешить, тогда поговорим.

Богдан сдержанно улыбнулся и уже молча, занялся приготовлением кофе, стараясь меньше двигаться. Было заметно, что он тоже от чего-то устал. И, скорее всего, это была затянувшаяся прошедшей ночью клубная жизнь с очередной девушкой под утро.

В динамиках, после скороговористых радио-предложений ведущего, с задором зазвучала песня «Пам, пам Американо».

– О! – воскликнул Богдан, не оборачиваясь. – Сделаю-ка я нам кофе по-американски. Не возражаешь?

– Нет, – буркнул Рамсес.

Только сейчас Рамсес обратил внимание, что Богдан выглядит непривычно и это его развеселило. На нем были объемные розовые комнатные тапочки-сланцы с милой плюшевой улыбающейся головой свиньи и Богдану они не приходили в пору. Плюс к этому, домашний атласный халат с черно-алыми (наверно) китайскими иероглифами и белая футболка с изображением (повязанного на шее) яркого галстука желтого цвета в крупный белый горошек.

Богдан никогда (ни по какому поводу) не комплексовал и не из-за чего не страдал. Он в любой ситуации чувствовал себя вполне в своей тарелке, по крайней мере, таким видел его Рамсес, где бы они не находились вместе. Эта черта характера в Богдане нравилась Рамсесу, и он многое почерпнул для себя, но до сих пор ему не удавалось раскрепоститься полностью – так, как это получалось у Богдана.

Не то, чтобы Рамсес был скован или же эмоционально забит, наоборот, он умел нормально общаться с людьми, а с коллегами, так вообще он был компанейским. Но дело в том, что Рамсес, без стеснений выражая естественные простые эмоции, совершенно не мог, допустим, нарочито засмеяться. И поэтому, когда Рамсес понимал, что будет выглядеть неестественно и ему предстоит подстраиваться, то он сразу становился заложником своего «зажатого» внутреннего самоощущения.

Помимо этого, были еще причины. Допустим. Он с детства не танцевал, да так и не научился этому, что, естественно, мешало ему подойти к девушке и пригласить на танец. А еще, ему не особенно легко давались знакомства с ними на одну ночь. Богдан же такое проделывал регулярно. И розовые тапки на нем, были куплены специально для такого случая – согревания ног и поднятия настроения «разовым» телкам: а чтобы теплая обувь подходила всем, Богдан их купил с наибольшим размером.

Порой Богдан предлагал Рамсесу как-нибудь внутренне собраться и, таки, шагнуть через проблемные моменты в поведении, чтобы они уже никогда не отравляли жизнь молодому человеку, полному сил и энергии. Но Рамсес не спешил. Он ясно понимал, то, что ему не подходит, он не сможет это прикрыть внешними проявлениями. Например, искусственно улыбнуться и (неловкими попытками) делать вид, что его не особо тяготит еще одна встреча с девушкой, когда после первой ночи на утро она спросит: ты позвонишь мне? К тому же, теперь у него была Алика.

И это вовсе не отражало решительность у одного и неуверенность в себе у другого – она-то как раз была у обоих – скорее, причина таилась в неодинаковом воспитании, и, повзрослев, каждый из них наглядно демонстрировал подсознательно скопированное отношение родителей к социуму.

Богдан повернулся к другу, держа в руках две чашки с кофе по-американски. По довольному виду, можно было догадаться, что Богдан неплохо провел ночь с очередной девушкой у себя в квартире, которая так же, как и множество других, поддалась его внешности – пронзительному, не дающему спокойно пройти мимо, выражению лица. Даже, если Богдан молчал и лишь смотрел в глаза: с чего, собственно, он непременно начинал каждое знакомство.

– Останемся здесь или на диван?

– Богдан, ты сейчас не путаешь меня с «разовой» девушкой, так спрашивая?

– Как, спрашивая? Э-э-э, – покачал головой Богдан. – Идиот, – по-дружески возмутился он и парировал вопросом: – Ты до сих пор не проветрился от кайфа?

– Пересядем, – коротко ответил Рамсес, но тут же добавил: – И выключи, пожалуйста, это радио.

Звуки русского хип-хопа с брутальным текстом, в который Рамсес не особенно вслушивался, смолкли, после нажатия Богданом кнопки на пульте.

Рассевшись вокруг журнального столика, Богдан сделал глоток кофе и с серьезным видом спросил:

– Что случилось? Отныне, для принятия торговых решений ты станешь пользоваться программным обеспечением, и это тебя не беспокоит?

– В смысле? – не сразу сообразил Рамсес.

– На форуме нет твоего отчета.

– А, ты об этом.

– Ничего себе – «об этом». Ты на форуме-то был? Там сплошь одни мутные обсуждения.

– Послушай, Богдан, в меня вчера стреляли.

Друг вытаращил глаза и замер.

– После того, как в меня не попали, мне саданули по голове, – продолжал Рамсес шокировать друга. – Затем спрятали меня в бочке. А после того, как я все же добрался домой и закрылся в квартире, ночью ко мне пожаловал гость, – подумав, он добавил: – Или гости. Дверь открывали ключом, но я помешал. Мало того. Со вчерашнего дня я не могу найти Алику – она не отвечает на мои звонки и ее нет в квартире. Собственно, от нее я приехал к тебе.

Понадобилось несколько секунд, чтобы друг отмер.

– Аж, в горле пересохло, – растерянно проговорил Богдан и сделал второй глоток кофе. – И?..

– Я ума не приложу, кому бы это понадобилось и, что с Аликой?

– В полиции был?

Рамсес ладонью закрыл рот и посмотрел вверх. Затем он пальцами почесал подбородок и снова перевел взгляд на Богдана.

– Тут, такое дело, – медленно произнес он, прикидывая, с чего ему начать, чтобы друг понял все. Включая вполне серьезное предположение, что киллером мог быть и парень с синдромом Дауна, как окрестил того Рамсес, но сейчас уже сомневаясь, что тот вообще болен таким недугом...

Поразмыслив, уверенной последовательной речью Рамсес начал делиться предположениями, отдельно останавливаясь на деталях вчерашнего и сегодняшнего дней. Богдан, словно замороженный, вместо того, чтобы слушать и пить кофе, казалось, мысленно посещает те места, о которых рассказывал друг. Порой Рамсесу приходилось объяснять по два раза, настолько на первый взгляд неправдоподобно звучало то, что было на самом деле с ним.

Когда Рамсес закончил тем, как он, побывав в переулке, уже здесь во дворе дома не сразу решил выйти из машины, не зная, где и какого развития ожидать в продолжение, Богдан поднялся с места, подошел к окну и тоже оглядел двор.

Детская площадка, тротуары и припаркованные машины словно превратились в плацдарм, характерный для сокрытия улик, когда доведенный до таких же, как и Рамсес, переживаний, Богдан пытался заметить что-либо подозрительное, включая любую, незнакомую ему, машину во дворе. Не увидев ничего нового, он вернулся и сел в кресло. Теперь они смотрели на события с одинаковым пониманием произошедшего и молча прикидывали варианты в потоке фактов, обрушившихся на Рамсеса за последние два дня.

Друг не нашел сразу, что предложить Рамсесу. Он сидел хмурый и молчал.

– Богдан, я не знаю, что мне делать?

– Все же, может в полицию?

В ответ Рамсес лишь посмотрел на друга, не желая в третий раз озвучивать соображения по одному и тому же поводу.

– Да, ты прав, – согласился Богдан, но, помедлив, добавил: – Рамсес, ты знаешь, что я не особо... Вернее, вообще не люблю просить у отца за что-либо. Но за тебя...

– Богдан, – оборвал Рамсес вкрадчивую речь друга. – Я, правда, признателен и буду иметь это в виду. Но сейчас, что он сможет сделать конкретно? Предоставить хорошего понимаю-

щего следователя. Или, что хуже, какой-либо «из этих», – указательным пальцем он показал наверх, – возьмет мое дело под «особый» контроль. Из практики же более действенно – договориться по месту, нежели надзор со стороны начальства. Вообще, я не о том говорю! Богдан, о чем конкретно мне им всем рассказать? Ни пуль, ни... Да, что тебе об этом опять говорить?

– А чего ждать? Когда труп в твой рост будет налицо?

– По-крайней мере, тогда можно уголовное дело заводить. Правда, сохраняется шанс «висяка».

– Идиот!

Наступила короткая пауза, после которой, неожиданно для Рамсеса, Богдан оживился – повеселев, он предложил:

– Попробуем коньяк?!

У Рамсеса это предложение не вызвало ни особых эмоций, ни смену настроения:

– Завтра открытие торговой недели.

– Каждую неделю – открытие недели, но не на каждой неделе в тебя стреляют, – Богдан запнулся. – Я фигурально, имею в виду, не в каждого из нас стреляют.

– Не суетись. Понятно, что не по случаю.

– Ну?!

Богдан радостно развел руки.

– Торги по осени считают. А сейчас она и есть, – проямлил расстроенный Рамсес. – Этой же осенью торги вообще начались так, как мало кто предполагал. Да и ситуация в течение дня будет меняться стремительно. Может, нам не надо пить? Завтра работать.

Рамсес замолчал. Глядя на Богдана, было понятно, что сейчас тому совершенно не было дела до завтрашних торгов на бирже. Да и что было перед ним говорить о том, о чем Богдан и сам прекрасно знал? Впервые за всю историю котировок осень не была похожа на предыдущие. Торги после летних каникул начались довольно неожиданно. Многие трейдеры оказались в весьма затруднительном положении: никто ничего не комментировал в сложившейся ситуации и не давал прогнозы на будущее. Происходящее многих инвесторов сводило с ума.

Такого еще не было, чтобы рынок, действительно, находился в глубочайшем кризисе. Игроки давно уже забыли, что тренды в принципе могут быть и долгосрочными. Самым любимым словосочетанием стало – кратко-среднесрочные ожидания. Поэтому Рамсесу и Богдану каждый день приходилось быть на чеку в преддверии моментального разворота, отслеживая планку «того самого» уровня.

В Рамсесе «заговорил» трейдер и он сказал:

– Теперь и моя жизнь выглядит так, как финансовый рынок – нет уверенности в завтрашнем дне, а точнее – полная жопа!

– Предлагаю в ситуации с тобой, как и на финансовом рынке, не играть тебе на опережение.

– К чему приведут эти ожидания?

– Рамсес, текущая ситуация не нова, – продолжал вторить Богдан тоже, как трейдер. – Я имею в виду, что во все времена – замахивались на убийство, посягали и будут покушаться, – он развел руки. – Ну, пафосно, конечно, но, так вот мы живем.

– Куда уж пафосней?

– Если рассматривать ситуацию с тобой и вспомнить историю котировок, то, в трудные времена, многие томились в ожидании.

– Не забывай, сколько депозитов полегло, пока дожидались.

– Ну, были же и те, кто пережил. Помнишь, как нас учили?... Возможно, тебе тоже стоит немного затаиться. Как говорят в последние годы? В идущий паровоз уже вскакивать поздно, а бежать против – глупо. Я говорю и про тебя, и про завтрашнее начало торговой сессии, – Богдан помолчал, обдумывая, и вскоре добавил: – Что касается только тебя. Пока поживешь у

меня. На работу и обратно – вместе. Я думаю, пока нас двое – никто не станет в тебя палить. А там, посмотрим. Также я переговорю и с отцом, чтобы он приставил к нам одного охранника, что работает на него.

После этих слов Богдан направился на кухню. Вернулся он с двумя пузатыми бокалами на короткой ножке, с коньяком и с тарелкой тонко нарезанного лимона, слегка присыпанного свежемолотым кофе, а поверх сахаром.

– Помнишь, Рамсес, объявление в лагере для победителей школьных шахматных олимпиад, которое вывешивали каждый раз в воскресенье, а на следующий день снимали?

– «Сегодня воскресенье. Значит, будут танцы», – процитировал Рамсес текст объявления.

– Точно! – сказал Богдан и рассмеялся.

Рамсеса не особо это развеселило – он сдержанно улыбнулся и сказал о более важном для себя:

– Попробую набрать Алику.

– Попробуй.

Рамсес принялся звонить, а Богдан разливать.

Терпкий запах ароматного коньяка вырвался наружу, когда он откупорил бутылку.

– Не берет трубку? – поинтересовался Богдан.

– У-у.

– Рамсес, ты не обижайся. Поначалу, я и сам думал, что, может, в полицию-то обратиться. Но!.. Пусть немного, но я тоже знаю Алику. Думаю, что вчерашняя ваша размолвка никак не связана с сегодняшней историей. А соседка могла и ошибиться. Там вовсе была не Алика, а другая девушка-чика. Сам говорил, машину-то плохо было видно, а твоя подруга – далеко не одна, кто живет в том подъезде. Я, конечно, не проверял, но уверен в этом. Я о девушках, – внушительно уточнился Богдан.

Он разлил по бокалам коньяк, взял их в руки и один протянул другу. Рамсес отключил вызов абонента и тремя пальцами забрал свою порцию.

– А ее куртка? Подпертая дверь в подъезде?

– Совпадение. Ты сказал, что куртка была похожа, но ты не видел лицо. А дверь подперли потому, что, допустим, это, там, делают всегда. Тип-па в подъезде такой банальный прикол.

– Кстати, это возможно. Дверь мне открыл дедок и он собирался что-то втереть мне про эту швабру, там, у входа, сетуя, чтобы прекратили такие шутки. Наверное, он думал, что я, с убежавшими от подъезда, заодно?

– Вот, видишь! Это вообще, там, могли быть малолетки – парень с телкой, у которой элементарно тоже белая куртка. А машина просто в тот же момент отъезжала от подъезда. Прикол малолеток и отъезд какого-то солидного человека на машине – это совпадение. Да и, если бы там, пардон, волокли Алику в качестве заложницы, то, почему она не просила о помощи? Можно, конечно, предположить, что ей заклеили уста. Но, Рамсес, – в отрицание, Богдан помотал головой, – ...на улицу... с залепленным ртом... мимо старика, кто затем открыл тебе дверь в подъезд и заговорил только о швабре.

– Твою мать! Почему эти ребусы именно со мной и сейчас?!

– Подобное, постоянно не во время, – сказал Богдан и добавил, чокаясь: – За удачу!

Рамсес выпил залпом весь коньяк, который находился в бокале в пропорциях одной третьей частью. После того, как друг опять начал дышать и перестал морщиться, Богдан сделал небольшой глоток. Но, столкнувшись с несоразмерным, оттого одиноким взглядом Рамсеса, после выпитого, Богдан сравнял счет в порциях, отправив остаток коньяка внутрь. Выровняв дыхание и закусив, Богдан налил себе ещё.

– А мне не наливай больше, – попросил Рамсес и икнул, – Я поеду к Алике. Если не дозвонюсь.

С этими словами, Рамсес отправил в рот дольку лимона: кисло-сладкая с ароматом кофе она напомнила ему, что, помимо прочего, человек живет и вкусом, и самой пищей. Он совершенно забыл, что сегодня не ел, как тут же почувствовал, что ему, после выпитого, стало теплей и внутренне комфортней: напряжение ушло и наступило долгожданное расслабление.

– А коньячок, не че так, как любит говорить Алика, если ей что-либо нравится, – язык Рамсеса оказался не столь подвижным, как пару минут назад.

– Поедем к твоей подруге вместе, – сказал Богдан также твердо и тем же неуверенным языком, как и Рамсес. Он отставил бокал. – Посидим немного и поедем.

– Но, если я не дозвонюсь, – поправил друга Рамсес трендовой заплетавшейся речью, но с серьезным видом.

Телефон не заставил себя ждать – раздался звонок, на дисплее высветился номер Алики и фото, где она улыбалась.

– Алика, – хватая трубку, радостно заговорил Рамсес и тоже улыбался.

– Нажми на «ответить», – разделяя радость, хмыкнул Богдан и так же расплылся в улыбке.

– Черт!

Вместо этого, пальцем Рамсес угодил на кнопку «громкая связь»:

– Рамсес, – раздался напряженный голос Алики в смартфоне.

– С тобой что-то случилось? – сразу же начал беспокоиться он, дыша как можно сдержанней, чтобы она не догадалась о немного выпитом. – Ты где? Я был у тебя. Целый день звонил.

– Где я? – возмутилась Алика, а голос изменился: стал строг и властен. – Это ты, где? Я-то – у подруги! И благо, что так, а то вторые сутки проводила бы в одиночестве! В отличие от тебя, как я слышу! А ты молодец! Еще и телефон отключал!..

– Подожди, подожди, подожди... – перебивая, оживленно заговорил пьяной речью Рамсес, определенно выдав себя опьяненного.

– Нет, это ты меня подожди, – теперь перебила Алика. – Если я и не брала сегодня пару часов трубку, так это потому, что ты пропал на пару дней и бухаешь неизвестно с кем!

– Ты не...

Короткие телефонные гудки прервали и улыбку, и радостную – навеселе – речь Рамсеса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.